

Aus: Textarchiv H. G. Petzold et al. Jahrgang 2018

<http://www.fpi-publikationen.de/textarchiv-hg-petzold>

© FPI-Publikationen, Verlag Petzold + Sieper Hückeswagen.

In diesem Internet-Archiv der FPI-Publikationen – Wissenschaftliche Plattform “Polyloge“ werden Texte von Hilarion G. Petzold und MitautorInnen in chronologischer Folge nach Jahrgängen und in der Folge der Jahrgangssiglen geordnet zur Verfügung gestellt. Es werden hier auch ältere Texte eingestellt, um ihre Zugänglichkeit zu verbessern. Zitiert wird diese Quelle dann wie folgt:

Textarchiv H. G. Petzold et al.

<http://www.fpi-publikationen.de/textarchiv-hg-petzold>

Hilarion G. Petzold (2018b):
Новые природные терапии. Лесная
терапевтическая практика –
Neue Naturtherapien - Praxis der Waldtherapie *

Erschienen in:

ПСИХОТЕРАПИЯ, № 7 (187), 2018 г.

* Aus der „Europäischen Akademie für biopsychosoziale Gesundheit, Naturtherapien und Kreativitätsförderung“ (EAG), staatlich anerkannte Einrichtung der beruflichen Weiterbildung, Hückeswagen (Leitung: Univ.-Prof. Dr. mult. Hilarion G. Petzold, Dipl.-Sup. Ilse Orth, MSc). Mail: forschung@integrativ.eag-fpi.de, oder: info@eag-fpi.de, Information: <http://www.eag-fpi.com>). Der Beitrag hat die Sigle 2018b.

Zusammenfassung: Новые природные терапии. Лесная терапевтическая практика – Neue Naturtherapien. Praxis der Waldtherapie (2018b)

Dieser in russischer Sprache erschienene Text bietet eine kompakte Einführung in die theoretische und metatheoretische Basis der „Neuen Naturtherapien“ und ihrer Kernkonzepte: Ökologisation, Ökosophie, Ökopsychosomatik etc. Mit einer „mundanologischen Wende in der Anthropologie“ (*W. Welsch*) wird gezeigt, wie wichtig es heute ist, die Welt vom Standpunkt der Welt her zu denken und nicht nur aus der Perspektive des Menschen. Das Konzept der Biophilie wird kritisch und erweiternd diskutiert. Dimensionen der Praxis werden anhand eines Projektes von Waldtherapie beispielhaft aufgezeigt. Das „Green Care Manifesto“ (*Petzold*) wird theoretisch untermauert.

Schlüsselwörter: Neue Naturtherapien, Green Care Manifest, Ökologisation; Ökophilie/Biophilie, Integrative Therapie.

Summary: The „New Nature Therapies“, Practice of Forest Therapy (2018b)

This chapter is offering a concise Introduction to the theoretical and metatheoretical basics of the “New Nature Therapies” and their core concepts: “Ecologization, Ecosophia, Ecophilia, Ecopsychosomatics” etc. With an “mundanologic turn in anthropology” (*W. Welsch*) it is shown, how important it is today to think the world from a viewpoint of the world and not only from the perspective of the human being. The concept of biophilia is critically and amplifying discussed. Dimensions of practice are shown and exemplified by a project of of forest therapy. The “Green Care Manifesto” (*Petzold*) is theoretically underpinned.

Keywords: New Nature Therapies, Green Care Manifesto, Ecologisation, Ecophilia/Biophilia, Integrative Therapy

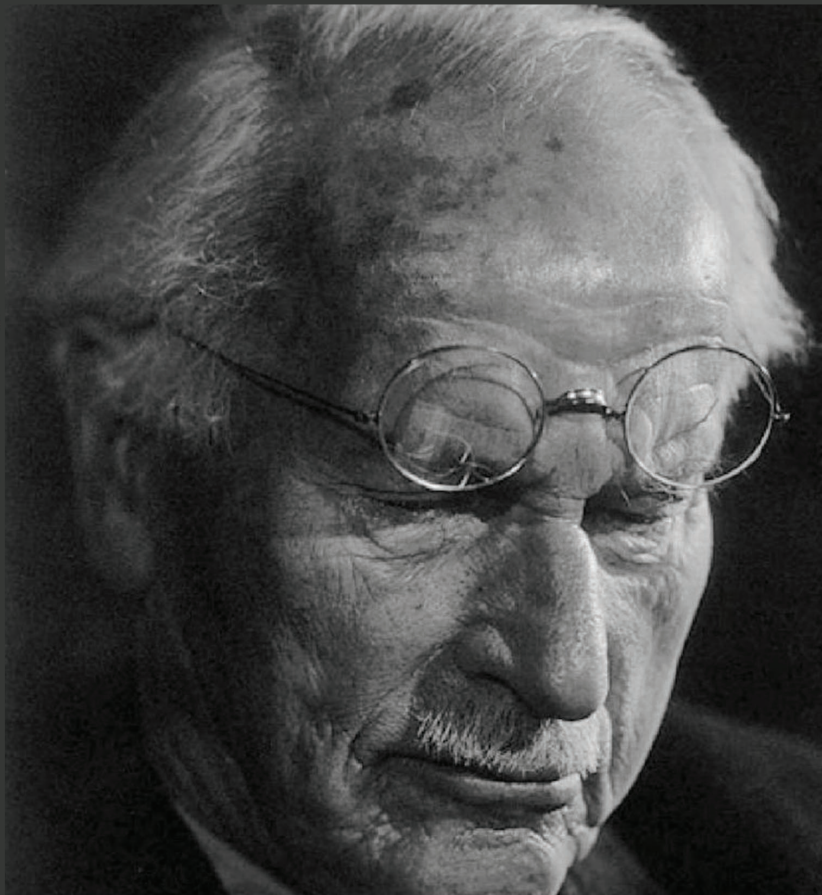
ПСИХОТЕРАПИЯ

Ежемесячный научно-практический журнал — орган печати
Общероссийской Профессиональной Психотерапевтической Лиги
и Саморегулируемой организации Национальная ассоциация развития
психотерапевтической науки и практики «СОЮЗ ПСИХОТЕРАПЕВТОВ И ПСИХОЛОГОВ»

Главный редактор
журнала
«Психотерапия»
МАКАРОВ
Виктор
Викторович
Президент
Профессиональной
психотерапевтической лиги
и Саморегулируемой
организации
Национальная ассоциация
развития
психотерапевтической
науки и практики
«СОЮЗ ПСИХОТЕРАПЕВТОВ
И ПСИХОЛОГОВ», д.м.н.,
профессор, заведующий
кафедрой психотерапии и
сексологии ФГБОУ ДПО
Российская медицинская
академия непрерывного
профессионального
образования Минздрава РФ

Заместитель
главного редактора
ИРИШКИН
Андрей
Александрович
руководитель
Сообщества RusPsy

Редакционная
коллегия:
БЕЛЯНИН В.П.
БЕРМАНТ-ПОЛЯКОВА О.В.
БУРНО М.Е.
ДМИТРИЕВА Н.В.
ДАРЕНСКИЙ И.Д.
ДОМОРАЦКИЙ В.А.
ЗАВЬЯЛОВ В.Ю.
ЗАЩИРИНСКАЯ О.В.
КАТКОВ А.Л.
КОЧЮНАС Р.Б.
РЕШЕТНИКОВ М.М.
ТУКАЕВ Р.Д.
ТХОСТОВ А.Ш.
УЛЬЯНОВ И.Г.
УМАНСКИЙ С.В.
ШЕВЧЕНКО Ю.С.

Carl Jung

Основные темы номера:

Бурно М.Е. В деревне Бунятино. Психотерапевтическая повесть
Карл Юнг. Попытка психологического исследования догмата
о Троице. Часть 1
Вклад Юнга в развитие принципа «познай себя»
Юнгианский подход к сновидениям
Новые методы терапии. Лесная терапевтическая практика

7 (187)
2018

Главный редактор
журнала «Психотерапия»
МАКАРОВ В.В.
Президент Профессиональной
психотерапевтической лиги и
Саморегулируемая организация
Национальная ассоциация развития
психотерапевтической науки и
практики «СОЮЗ ПСИХОТЕРАПЕВТОВ
И ПСИХОЛОГОВ», д.м.н., профессор,
заведующий кафедрой психотерапии
и сексологии ФГБОУ ДПО Российская
медицинская академия непрерывного
профессионального образования
Минздрава России

Зам. Главного редактора
ИРИШКИН А.А.
руководитель Сообщества RusPsy

Редакционная коллегия:
БЕЛЯНИН В.П.
БЕРМАНТ-ПОЛЯКОВА О.В.
БУРНО М.Е.
ДАРЕНСКИЙ И.Д.
ДМИТРИЕВА Н.В.
ДОМОРАЦКИЙ В.А.
ЗАВЬЯЛОВ В.Ю.
КАТКОВ А.Л.
КОЧЮНАС Р.Б.
РЕШЕТНИКОВ М.М.
ТУКАЕВ Р.Д.
ТХОСТОВ А.Ш.
УЛЬЯНОВ И.Г.
УМАНСКИЙ С.В.
ШЕВЧЕНКО Ю.С.

Адрес редакции:
109280, Москва, 2-й Автозаводский
пр., 4. Кафедра психотерапии
Тел. (495) 675-45-67

Издатель:
ИП Иришкин Дмитрий Андреевич
genius-media@mail.ru
(495) 518-14-51
При перепечатке материалов
согласование с издательством
обязательно.

**Подписные индексы на журнал
«Психотерапия»**
по каталогу «Роспечать»: 82214 и
УралПресс: 82214
Для справок: (495) 518-14-51,
genius-media@mail.ru
© ИП Иришкин Дмитрий Андреевич
Тираж 100 экз

Ежемесячный научно-практический журнал — орган печати Общероссийской Профессиональной
Психотерапевтической Лиги и Саморегулируемой организации
Национальная ассоциация развития психотерапевтической науки и практики
«СОЮЗ ПСИХОТЕРАПЕВТОВ И ПСИХОЛОГОВ»

ПСИХОТЕРАПИЯ

№ 7 (187), 2018 г.

Содержание

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЮНГА

КАРЛ ГУСТАВ ЮНГ

Попытка психологического исследования
догмата о Троице. Часть 1 2

ДЖЕЙМС ХИЛЛМАН

Вклад Юнга в развитие принципа «познай себя»... 24

ДЖЕЙМС АЛЬБЕРТ ХОЛЛ

Юнгианский подход к сновидениям 42

ДОКЛАДЫ. ЛЕКЦИИ. ОБЗОРЫ

БУРНО М.Е.

В деревне Бунятино. Повесть, составленная из
дневниковых записей Анны и Андрея. Часть 2 50

ХИЛАРИОН ПЕТЦОЛЬД

Лесная терапевтическая практика 56

ИЗ ОПЫТА ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

ЛАТЫПОВ И.В.

Люди-объекты, люди-функции,
люди-личности 83

УЗЛОВ Н.Д.

Просто любить своего ребёнка – мало 85

ДАЛИТ А.Е.

Убеждения, которые добьют человечество 87

БУГАНОВА В.Н.

Мост понимания 89

ГАВЕРДОВСКАЯ П.Ю.

Все цвета зависти 91

ДЖЕЙМС ХОЛЛИС

Ненужность 95

ЭЛИЗАБЕТ ГИЛБЕРТ

Что-то не то 97

ВАРГА А.А.

Вечная история про Артемиду 99

ЭММИ ВАН ДОРЦЕН

Я не хочу их умопомешательства.
Я предпочитаю мое 100

Новые природные терапии. Лесная терапевтическая практика

ХИЛАРИОН ПЕТЦОЛЬД

PhD. Основатель Института интегративной терапии Фрица Перлза (1974) и Европейской академии психосоциального здоровья в Хюкесвагене (1981). Профессор психологии, клинической физической терапии и психомоторной науки в свободном университете Амстердама с 1979 по 2004 год, с 2001 года приглашенный профессор по надзору и психотравматологии в Дунайском университете Кремс.

Перевод Барбары Хольмес

Интернет-журнал для садовой, ландшафтной, лесной терапии, зоотерапии, Green Care (Зеленой Защиты), экологического здоровья, экоспихосоматики.
© FPI Публикации, издательство Петцольд + Зипер Хюкесваген

Эта статья дает компактное введение в теоретические и метатеоретические основы „Новых природных терапий“ и их основных понятий: «Экологизация, Экософия, Экофилия, Экопсихосоматика и т.д. Она показывает с помощью «антропологического перелома» (Вельш), что сегодня очень важно, идти своей мыслью от мира, а не от человека. Понятие виофилия дополнительно критически обсуждается. Мы указываем также на практические изменения, которые поясняются на примере лесной терапии. „Green Care Манифест“ (Петцольд) обосновывается теоретически.

Ключевые слова: Новые природные терапии, Green Care Manifest, Ökologisation, Ökophilie/Biophilie, Интегрированная терапия

*Жизнь целиком определяется полем устойчивости зеленой растительности
(Владимир Иванович Вернадский 1863-1945)*

*Мир есть не то, что я думаю, а то, чем я живу, я открыт миру...,
но он не моя собственность, он неисчерпаемый
(Морис Мерло-Понти, 1945/1966:14)*

1. Экологические проблемы в антропоцитете — это медленное исчезновение человеческого „экологичности“, это необходимость „экологической гуманности“ и человечности, т.е. человеческой сущности людей (Hominität)

Кто экзистенциально понял, что везде там, где человеческая целостность находится под угрозой, тот знает, что там и его собственная целостность в опасности, везде там, где нарушена целостность нашего экологического биотопа, там и его собственная жизнь будет нарушенной, поэтому он изо всех своих сил и с полным энтузиазмом, к которому он только способен, чтобы выжить, будет выступать за других людей и за Землю, потому что Земля — это наш дом (oikos), а другие люди — это наши товарищи по судьбе (consortes) (Петцольд 1978, с. 24)

Из-за тяжелого экологического кризиса, в который мы попали с середины 20-ого столетия, и до сих пор все дальше, глубже, с ускорением попадаем, возникли разнообразные движения, которые занимаются экологическими вопросами. Так из разных научных дисциплин

представлены работы, содержащие активную готовность выступать за „caring for nature“, работы, которые указывают на проблемы и предлагают их решения. Анализ был представлен в биологии, геологии, климатических исследованиях, а также и в общественных науках (Циглер 2014), культурных- и гуманитарных науках, философии (Слотердаjk 2009; 2013; Лефранк (Lefrank) 2015). Психотерапия до сих пор внесла лишь незначительный вклад в экологические вопросы (Вилли 1998, 2005; Фукс (Fuchs) 2005, 2013, 2014)⁴. Но сейчас она начинает вновь медленно открываться и поворачиваться к „Ecotherapies“ (Buzzel, Chalquist 2009), к „новым природным терапиям“ (Петцольд 2014h) или перспективам, связанным с „GREEN CARE“ (Галлис (Gallis) 2013; Петцольд 2015c). В этой сфере теперь находится особое направление деятельности, представленной с конца 1960-ых годов в интегративном движении, психо- и гуманной терапии, в образовании теоретических концепций, в развитии методических разработок (Петцольд 2006b, 2011 г; Петцольд, Орт 1988b). Цель этого направления — сделать гуманно-экологические идеи доступными для клинических практик, предоставить в распоряжение психоду-

кационные работы, социоэкологические, политические инициативы, выходя за круг традиционных научных концепций. В „Третьей волне“ интегративной терапии (Зипер 2000; Петцольд 2002) мы интенсифицировали эту работу. Мы выработали „Green Care“ манифест (ср. Петцольд 2014: 250), в котором сформулированы руководящие принципы также для „Новых природных терапий“ и для их использования в психотерапии, для психосоциальной и природно-терапевтической практики, а также эко-педагогической работы. В этой области в данном тексте будут представлены другие основополагающие теоретические и праксеологические программы, которые связаны с „mundанологическим (отношение к планете Земля) жизненным отношением“, „био-психо-социо-экологическим обликом человека“ (Петцольд 1965, 2003е, 2006й/2016) и „интегративной, эконсихосоматической Практикой“ (то же 2006р; Петцольд, Зипер 2012). Посредством, как мы их назвали, „новых природных терапий“, мы защищаем активную политическую позицию для Жизни, для Живого, для Человека, которая направлена против многообразной отчужденности, так как Интегративная терапия, как комплексная форма биопсихо-социо-экологической гуманной терапии и „критически ориентированной культурной работы“ пробует преодолеть узкое ведение традиционных психотерапий. Люди – женщины и мужчины, укоренены в природе и в культуре. На основе этого предлагается всеми способами, для них и с ними, вырабатывать возможности излечения и искать шансы развития, которые учитывают их физическую, душевную, умственную, социальную и экологическую действительность, так как ни на одном из этих человеческих ресурсов нельзя экономить. Это результат трансверсального разума в современности. Наша идея представляется как целостная и дифференцированная: „Людиам нужна гуманная терапия, охватывающая жизненный период в социо-экологической всемирной взаимозависимости“. Этот подход требует понимать „целого человека“ как существо, определенное природой и культурой, в его жизненном контексте и жизненном континууме. Это был и есть „Modèle biologique, psychologique, sociologique et écologique, dit biopsychosociologique appliquée“ (Петцольд 1965: 3). *Эта теоретическая и прикладная „био-психо-социо-экологическая“ модель и программа определила интегративное образование с самого его начала.* Человек, с одной стороны, рассматривается как существо „в развитии“ и филогенетическое явление с учетом эволюционной или эволюционно-биологической перспективы (Дарви 1871; Хенке, Роте 1999), ссылаясь на человеческую сущность (Hominisation), родово-исторические развитие, без которых современно-го Человека, его поведение, язык, его культуру невозможно понимать, и, с другой стороны, онтогенетически с продольной эволюционно-психо-биологической перспективы, учитывая персональную человеческую сущность (personale Hominität), развитие в жизненном континууме к „личному субъекту“, который отличается „личным суверенитетом“ (Петцольд, Орт 2014).

1.1 Для жизни обязательны многоперспективные позиции: для экофилийской, экософийской и экополитической активности

Если мы намереваемся занять определенную позицию в комплексной экологической тематике, надо, с одной стороны, принципиально это делать из экофилийской установки, из любви к живому и к природе, которая, таким образом, становится конкретной, с другой стороны, из бодрствующей экологической сознательности в связи с антропогенными, катастрофическими ситуациями, к которым мы нашу земную экологию привели и дальше приводим, и, наконец, с экософийской точки зрения, которая состоит в соответствующем «мудром» обращении с природой, это осуществляется только в экофилийской деятельности. Только „конкретная экофилия“ движет нас дальше.

Экософия — это мудрое/осознанное, заботливое общение с пространством живого, с биосферой. Это происходит на основе пережитого опыта и прочувствованного знания, что мы, как человеческие существа, через наше биологическое тело становимся частью во „всемирной экологии“. Мир — это наше жизненное пространство, в котором мы получаем переживание того, что природа прекрасна. Мы должны иметь сознание того, что она ценная и, таким образом, мы можем развить экофилию — „радость живого“, „любовь к природе“ и к нашему миру. (Петцольд 1961).

Мы считаем, что экософия принадлежит к „высшим процессам познания“, как справедливость и дальновидность, „трансверсальный разум“ (Петцольд, Орт, Зиппер 2013а, b). Ее эмоционально-лимбическое управление и познавательные процессы должны взаимодействовать.

„Комплексное внимание“ к экологическим проблемам должно привести к экологически сознательным стратегиям деятельности и жизненной практике. Начиная с раннего детства, нужно передавать стратегии рефлексивной экологизации, экологические ценности будут поддерживаться многими людьми и группами, для которых продолжительность использования ресурсов и инновации по разработке ресурсов в обращении с нашим жизненным пространством стоят в центре обобщенного стиля жизни, а именно: „ведение экологического образа жизни“ (Петцольд, Орт 1998b).

При этой витальной и, в то же время, в высшей степени комплексной тематике, моно-дисциплинарные перспективы недостаточны, так как только из взаимодействия между дисциплинами, только в „интердисциплинарных полилогах“ (interdisziplinären Polylogen) (Петцольд 2005ü), можно прийти к знаниям и результатам, у которых есть шанс дальше развиваться с учетом требований будущего. Поляризация между природными и гуманитарными науками представляется в таком комплексном положении бесплодной (Сноу (Snow) 1960), так как, если, например, возникнут биоэтические и экополитические вопросы, то будет нужен этический и экополитический диспут, который требует философ-

ского и общественно научного объективного разума, как, допустим, „политическая экология“ (Латур 2001, 2015; Московиси 1972, 2002; Робинс 2012) Этот подход разделяем и мы (Петцольд, Орт-Петцольд, Орт 2013) и вместе с Вальдемаром Шухом (2014) представили эту тематику с интегративно-теоретической точки зрения.

В философии мы нуждаемся, например, для того, чтобы определить пропорции между природой и культурой (Гудвин 2008), отношения между человеком и экологией (Кафаро, Сандлер 2004), в экологической этике (Баумгартнер 2005; Нида-Рюмелин 2002), в этике отношения к животным (Шмиц 2014) и т.д. С другой стороны, философы (как и политики) нуждаются в информации, которые передаются только со стороны естественных наук, если речь идет о вопросах в области биологической или экологической жизни (Соле (Sole), Гудвин (Goodwin) 2002). И это только один из многих примеров.

Таким образом, необходимо произвести обмен разных научных культур и традиций (Брокман 1996) так, чтобы в результате они приняли полилоговые «позиции» (Деррида (Derrida) 1986; Петцольд 2014). Это делает их дееспособными, но с другой стороны, нужно отдавать себе отчет в их кратковременности, в стремительно меняющейся современности (Moderne). Зигмунд Бауман (2000) говорил о „liquid modernity“, другие — о «позднем модерне». Это делалось для того, чтобы выйти на понятие «постмодерн» (Бек et al. 1994; Гиденс (Giddens) 1991). Мы говорим о „трансверсальном модерне“, который отличает динамика постоянной трансгрессии (Überschreitung). Исходя из этой основной позиции, мы всегда подходили к работе с людьми, к психотерапии, к природным терапиям, к образовательной работе с позиции наблюдателей специфического, превращающегося Феномена, а именно: постоянно „меняющейся современности“ (Луманн в 1992).

Мы охарактеризовали наше понятие „трансверсального модерна“ как ультракомплексную [...], полицентрическую сеть глобализированных и локализованных отношений, соединений (Konnektivierungen) и узловых пунктов знания, техник, „экономических интересов, игры за власть, „не вполне определенной гуманности (tentativen Humanität), мелиорационных усилий“, заботы о природе и защиты ее целостности (Integrität)“ (Ср. Петцольд 2012а: 502; 2014b; Зиппер, Орт, Петцольд 2010).

Наш *трансверсальный мир* требует постоянного наблюдения и определения новых позиций. Данная работа представляет наши следующие позиции:

Научные подходы, концепции, позиции — это положения на „время“, они для того, чтобы гарантировать при тематике достаточно надежную основу для интервенционного действия, которые, однако, в результате теоретической работы, исследования и клинического испытания находятся в процессе развития (ср. Деррида 1986; Петцольд 2009d). Однако, концепции и позиции необходимо оставить, если через прогресс и инновации новые «трансгрессии» (Überschreitungen) будут возможными или необходимыми (Петцольд, Орт, Зиппер 2000).

Будь это в смысле углубления существующего знания или расширения основы и поля действия, или изменения парадигм.

Революцией можно и нужно достичь познания, так как этим способом открывается новый мир (Neuland). В нем необходимо определить новые позиции ‘на время’, так как гераклитская река течет постоянно. Психотерапия требует сегодня в глобализованном мире (Бек 2007, 2012) и в „трансверсальном модерне“ (Петцольд 2009к) намного более широкого обзора, политически сознательного понимания общественных и экологических проблем и задач с точки зрения всеобъемлющего „трансверсального разума“ (Вельш 1996; Петцольд, Орт, Зиппер 2014а) и „экополитического обязательства“ (Петцольд, Орт-Петцольд, Орт 2013). Психотерапия должна свою собственную историю в „трансверсальной рефлексии“ (transversale Reflexion) (Петцольд 2007а) по-новому продумать, освободиться от устаревшего, вчерашнего, и открыться для новых задач, возникающих в гуманитарных и экологических аспектах (Петцольд, Орт, Зиппер 2013b). *Это требует активной и оффенсивной, политической, культурной работы, на которую мы сознательно решились в интегративной терапии* (Петцольд 1986а, 2015; Лайтнер, Петцольд 2005/2010; Петцольд, Орт, Зиппер 2013а). Традиционные парадигмы, мир и жизнь, в основном наблюдая их „с точки зрения человека“, как в глубинной психологии, так и гуманистической психологии, достигли границ и не предлагают более во многих отношениях никаких продуктивных перспектив, учитывая глобальную экологическую катастрофу и мировые кризисные сценарии (Петцольд, Орт-Петцольд, Орт 2013; Вельш 2011, 2012а, 2006, с).

В новых формах поведенческой терапии, например, „интегративной поведенческой терапии и психотерапевтической медицины“ (Эггер 2015) это представляется по-другому. Жизнь должна рассматриваться „с позиции мира и природы“, это должно идти вокруг критически рефлексированной и прожитой „гуманности во всемирном- и природном отношении“, каждая поляризация „человек—природа“ или приоритеты людей по отношению к природе, которую они эксплуатируют и разрушают, требуют осуждения. Сегодня человек должен изменить свое доминирующее поведение по отношению к природе, должен изменить природно-разрушительный образ жизни (Слотердаик 2009).

Из такой конкретной позиции, выбор которой сегодня необходим, можно снова изменить постановку вопроса, получить новые сведения и выиграть инновационные возможности для практического действия, так как они необходимы из „требований положения“ (Gefordertheit der Lage) (Кьллер 1968). Это характерно для многочисленных инициатив в контексте „зеленого действия“, в их конвергенциях по уровню знаний и синергий практических стратегий. Они продвигают инновацию вперед. В этих молодых движениях, которые реализуются под общим понятием: „Green Care“ и „Новые природные терапии“ (Петцольд 2014х), ищут связи разнообразные

«био-психо-социо-экологические» мероприятия, полные сенсбилизации для защиты и сохранения природы, одновременно с поддержкой человеческого здоровья и жизненного качества через природу и процесс ее переживания. Переживание природы содействует заботе о ней, ее обеспечению, как показывают новейшие исследования (ван дер Вал et al. 2013) она при этом как «самозабота» о собственном здоровье и жизнерадостности. На заднем плане актуальных GREEN CARE действий стоит уверенное, сильное родство людей с «зеленым»цветом, с цветом жизни. Слово происходит от:

„mhd. grüne, ahd. gruoni, zu mhd. grüen, ahd. Gruoen = wach-sen, grünen, urspr. entw. = wachsend, sprießend od. = grasfarben, verw. mit Gras“; Duden – Deutsches Universalwörterbuch, 5. Aufl. Mannheim 2003 [CD-ROM].

В большинстве культур зелень — это символический цвет для живости, здоровья, надежды и любви, „зеленая сторона“ (Пастуро 2014; Ридель 1983), но также и для спокойствия, благополучия, уравновешенности (Геллер 2006). Зелень — это и на Востоке цвет оазисов (Батести 2005, 2012), места жизни в таинственных, опасных, враждебных для жизни глухотаманях и пустынях, наверно поэтому зелень также цвет пророков и ислама, ссылка на зеленый избыток рая (Гейдж 2006, 150ф). В Китае и Корее зелень выражает развитие и успех (Юн 2006), в китайской «нефритовой культуре»- красоту и добродетель (Янг Янг 1995). В западноевропейском христианстве зелень — это пасхальный цвет возрождения. У Хильдегард фон Бинген мы находим влияние „viriditas“, зеленой силы, которая приводит все к цветению (Зуле 1989; прямое 2010, 2011). „Хочу действовать, как пускающая ростки зелень земли (Wie die sprossende Grüne der Erde will ich wirken)“ (Хильдегард фон. Бинген в 1987: 124). Средневековые монастырские сады являлись зелеными оазисами культивированной, мирной тишины и целебных трав. Даже до сих пор многие из этих садов приглашают к размышлениям и остановке мыслей. Речь об успокаивающей и оживленной, благотворной, целительной силе зелени в религиозных традициях не только привлекательная метафора. Этот цвет имеет, как мы уже сказали, успокоительное действие (Хеллер 2006), которое мы используем в клинической практике с „Green Meditation“ и в работе над гармоничным вниманием (Петцольд 2015b; Петцольд, Мосер, Орт 2012). Он имеет стимулирующие Качества, которыми мы, например, пользуемся в „Green Therapy“ при лечении депрессии (то же 2014x) или для подготовки к Экологическим выступлениям рассудительного протеста (Хессел 2011). На природе также лучше учиться и, как показывают новые исследования, зелень, кажется, способствует когнитивному развитию, (Дадванд, Нювенхюзен (Nieuwenhuijsen), Эснаола и друг. 2015). Мы рассматриваем это как поддержку для нашей идеи „зеленой учебной работы“ и „зеленой терапии“. И в том, и другом случае речь идет об обучении и связанности (Зипер, Петцольд 1993). От экологических или эко-психологических исследований многого еще ожидается (Флядэ (Flade) 2010; Штег и друг. 2013).

Все это оказало положительное влияние на „зеленые движения“ „Green Belt Movement“ (Матай (Maathai) 2008) или «Greenpeace» (Браун, Май 1991; Хантер 2004; Целько 2014), „новые природные терапии“ (Петцольд 2013 g, 2014x) и разнообразные природные инициативы (Лов 2012). Эти направления требуют активности, цель которой – это сохранение природного жизненного пространства, т.е. целостности между экотопом/биотопом, между экосистемами через экосознательную заботу о природе, охрану животных и природы.

Данный текст будет рассматривать *междисциплинарно* и „полилоговым способом“ „новые природные терапии“ и „Green Care-концепт“, вносить вклад в область здравоохранения и ухода за природой и поддерживать эти движения в их эко-политических зачах спасения находящейся под угрозой природы в „антропоцене“ (Крузен и друг. 2011; Клинган (Klingan) и друг. 2014). Под названием «Антропоцен» понимается эпоха в истории Земли, в которой человек в „сфере человеческого разума – „неосфере“ (Вернадский 1926), так ускорил свое «овладение» природой с началом индустриализации, что человеческая мысль стала ключевым фактором влияния на биологические, экологические, геологические и атмосферные процессы на Земле. Ссылаясь на деструктивный библейский императив „и да владычествуют они над всею землею ...“ (1. Мои. 1, 26), человек стал для земли сильнейшим разрушительным фактором (Заласевич 2008, Zalasiewicz, Уильямс 2011) всего, что развилось в планетарной эволюции тонко настроенного сосуществования глобальной экосистемы (Лавлок 2000; Маргулис 1998). Она противится с помощью солнечной энергии и работы биологических организмов энтропийному отсосу космического пространства. Все для этого необходимые экологические процессы регуляции разрушаются сегодня человеком варварским способом. Он угрожает своей деятельностью „базальному конвивиалитету“, т.е. взаимодействиям жизненных форм этой планеты. В своей биосфере, как „сфере живого“, каждое живое существо имеет в своем жизненном пространстве/экотопе важные функции, вместе с собственным своим „Экологическим“ т.е. со своими образцами/программами „подходящего сосуществования“, Линн Маргулис (1998) сказала похожее только пользуясь другим термином: „symbiotic planet“ (*симбиотическая планета*).

Это требует от людей, как жителей планеты, которые больше не действуют в экологически согласованной, генетически определенной программе, экологической жизненной практики, к которой они должны стремиться. Это требует уравновешенных „give and take“, что характерно для симбиозов. С этим связана огромная проблема чрезмерного увеличения мирного населения. Оставаясь в *метафоре* «симбиоза»—„симбионт“ («человечество») стало намного больше, чем «хозяина» (земля с ее ресурсами). С 2007 мы потребляем на 50% больше ресурсов, чем земля может генерировать. В 2030 не „хватит“ даже 2-ой планеты” (WWF Всемирный фонд дикой природы 2012). Что произошло за последние 200

лет? Все, с этими проблемами связанные политические, культурные, технологические, информационные и экономические процессы, с их специфическим воздействием в различных областях, в частности также в экологии, стали необозримы. В их общем взаимодействии — это катастрофа. Люди, стремясь к «эксцентрицитету», к всемерному объективирующему овладению всеми жизненными процессами (как будто бы они могут таким образом победить смерть) все сильнее отдалились от своей основы, природы, и это в дальнейшем происходит... прогрессивно. Временные окна, в которых еще кое-что к спасению нашего экологического мира могло бы произойти, начинают закрываться. Этот мир, который мы знаем и любим, с его лесами, полями, лугами, болотами, мира с оживленной водой: ручьи, реки, озера и полные жизни моря, а также девственный лес, переполненный многообразем видов.....эти природные ресурсы оказываются под угрозой (Дирцо и друг. 2014). 2020 год, подзревает Леггеве (Leggewie) и Вельцер (Welzer) (2009), а для происходящего изменения климата наступила критическая граница. Многие указывают на эту или, в любом случае, чуть позднюю дату(Карей (Carey) 2014;Латив (Latif) 2012) Сейчас уже все зафиксированные и расширяющиеся негативные действия едва обозримы. Кто его знает, может быть, все уже поздно, по отношению к тому, что мы думаем или намереваемся сделать.

Однако, мы,видимо, начали открывать другие сложные временные окна с видом на становящийся климатически все более суровым мир (Лавлок 2014). Мир, который с биологической точки зрения стремительно беднеет(Галетти (Galetti), Дирцо 2013; Макколи и др. 2015; Оренштайн 2014), до „sixth extinction“, шестого, антропогенного вымирания (Даймент 1989;Себаллос (Ceballos), Эрлич (Ehrlich) 2002; Уэйк, Вреденбург (Vredenburg) 2008).

В своей книге Елизавета Кольберт (2014) описывает вызванное человеком уничтожение широких областей жизни на этой планете как угрожающий сценарий нашего разрушительного действия: „No creature has ever altered life on the planet in this way before“ (eadem 2f). Будет ли у нас достаточно воли и силы, чтобы эту полную изменений динамику (Петцольд 1986h), которая ведет нашу жизненную систему к коллапсу (Даймент 2005), приручить и наши разрушительные изменения исправить? К лучшему? Поставим ли мы биосферу под устойчивую защиту от нас самих и сохраним нас самих в этой защите, т.е. „под охраной видов“? Если не мы, то кто должен это делать? Папа римский Франциск (2015) в своей новой Энциклике „Laudato si“ указывает на людей, особенно богатых и могущественных, да, он даже разоблачает их бездействие, так как: „Многие из тех, кто владеет большими ресурсами, экономической или политической властью, как представляется, концентрируются, прежде всего, на маскировке проблем и сокрытии симптомов, стараются лишь уменьшить некоторые негативные последствия климатических изменений.“ (там же. с. 26). При этом важно защищать жизнь в целом и преодолеть

центрацию защиты только на человека. Человек, через его участие в живом, остается тогда полностью включен во все усилия обеспечить планетарную жизнь, так как он в равной степени включен в антропогенное разрушение этой жизни, так как уже ясно, что без гарантии жизненной безопасности всех других жизненных форм, люди не могут выжить (Галетти, Дирцо 2013). Они часть фундаментально „конвивиальной (konvivalen)“, экологической жизненной системы «Мир», имя которой также «Природа», и только в этой конвивиальной (konvivalen) тесной связи она способна жить и выжить. Для природы, ее жизни и выживания самым важным считается развитие „комплексного внимания“.

1.2 „Комплексное внимание“ к земной совместности природы

Природа — это совокупность всех биологических жизненных процессов и форм жизни с ее данными, жизнеспособными геофизическими и экологическими микро-, мезо-, макро-контекстами, ее неорганическим и органическим материалами и ее континуумом. При этом природа — это не только нетронутая биосфера, но также и природа — переработанная и перестроенная, даже поврежденная и деформированная людьми, их мышлением, планированием и действием [...]. Так как человек — это часть природы, человеческое переживание природы, его культурные представления о природе всегда тесно связаны с ее пониманием, уже не говоря о его действиях в и над природой, не исключая собственного действия (Петцольд, Орт-Петцольд, Орт 2013: 7).

В интегративном движении мы используем, **на основе нашей био-психо-социально-экологической ориентировки**, понятие «природа» **в эколого-научном, светско-философском и антропологическом контекстах, а также в педагогической и терапевтической областях** (philosophisch—mundanologischen), д и ф е р е н ц и р о в а н н о подходим к характеристике высоко-комплексной общей „земно-экологической системы“ с ее взаимодействующими подсистемами, в которых „мир живого“, «биосфера» (Вернадский) растений и животных (включая принадлежащих к гоминидам людей) особенно нуждается в защите, так как эта система очень уязвима. Природу отличают структурная сеть и координация ее подсистем (климатические зоны, жизненные области, пищевые цепи и т.д.), которые в ее рекурсивной множественности обеспечивают друг другу жизнь, так что научные работники в области экологии и биологии Джеймс Ловелока (1992) и Линн Маргулис (1999) с вескими аргументами говорили о земле в целом как о „живом существе“. В „экосистеме Земля“ дифференцируются разные природные области — это „нетронутая дикая природа“, влажные тропические леса, океаны и т.д., это культурные области, а именно: сады, парки,

управления лесного хозяйства, поля и т.д. Так как человек (гомо) в его телесности и вследствие этого его духовности, т.е. способности к высшей когнитивности и эмоциональности (этика, эстетика), произошел из природы в эволюционном процессе глобальной экосистемы, он в его „mundanen Hominität“ (земном гоминитете), в его укоренившемся в мире человеческом существе есть неразрывная часть этого мира, часть природы со всем его трансверсальным эксцентризмом и гиперэксцентризмом.

Таким образом, любое представление антагонизма человека и природы – это, в конечном счете, уже устаревший подход. Эксцентризмом современных сапиенсгоминидов происходит от природы, которая в них сама себя осознает, сама над собой размышляет и сама приводит себя к выражению, [...] *l'homme est le devenir conscient de la naturelle*“ (Мерло Понти 1995: 363). Полученная таким образом и все еще возникающая отчужденность должна через „*познание трансверсального разума*“, быть частью природы. Мерло-Понти так и говорил: мы „принадлежим к плоти мира“ (*chair*), ее нужно догнать и на основе жизненной практики и связанности с природой (*Zentrität*) конкретно реализовать. Это значит, что люди должны жить так, как требует этого природа, соответственно земно-экологической (*mundanökologischen*) совокупной системе, в противном случае все неудержимо кончается вымиранием видов, вызванным человеческой деятельностью, приводит к („*sixth extinction*“, Кольберт 2014) и к экологическому коллапсу. Эволюция вытянет человека „из серии“, если он в актуальном процессе своей гоминизации (*Homination*) рухнет, так как человек обязан работать самоопределенно и „достаточно свободно“ (Петцольд, Зипер 2008а, т. I) над развитием своего человеческого существа как „земного гоминитета“ (*mundaner Hominität*), благодаря которому он способен жить в согласии с природой.

Это значит, что нельзя понимать жизнь антропоцентрически „с человеческой точки зрения“, только наоборот, нужно понимать людей, исходя „от мира“ (Вельш 2012а, b; Петцольд 2015k).

Природа, таким образом, имеет право в любом отношении, стоять на первом месте. Слотердайк (2009), цитируя Рильке, ясно представляет требования Природы к человеку: „Ты должен изменить свою жизнь!“ Это значит, конечно, что мы должны радикально изменить нашу регрессивную (*devolutionäre*) жизненную практику (Петцольд 1986h) и допустить для себя мысль, что мы не „венец творения“, а, наоборот, самая большая потенциальная опасность для природы.

Следуя таким размышлениям, эголитарная биоцентрическая позиция является возможной, если она не базируется первоначально на правовой или законно-теоретической аргументации, например, в связи с Джоном Равльсом (Роуланд 2002; ср. Лув 2008), что является возможной перспективой, но по фактической необходимости взаимного сосуществования людей и природы эта позиция допускается с центрацией на вопросе „как

совместно и взаимно выжить“: Так как в «биосфере» (Вернадский, Мергулис и т.д.) все взаимодействует, по способу, который мы еще полностью не понимаем, однако знаем, что вся жизнь возникла коэволюционно из других жизненных форм и тесно с ними связана. Она выполняет функцию безопасного выживания для других видов, в связи с этим необходима „фундаментальная забота/Caring“ для сосуществования живого на основании „комплексного внимания“ (Петцольд, Мозер, Орт 2012). Такое внимание возможно только у человека и только через человека, его поведение в антропоцене становится необходимым.

Комплексное внимание должно направляться на собственное «тело» в его уязвимости и на «жизненный мир», с его рисками, угрозами его разрушения, а также на переплетение одного с другим. Безопасность живого тела каждого человека и неделимость мира как жизненного пространства, которые невозможно друг от друга оторвать, – все это необходимо понимать, гарантировать и оказывать на эти феномены интервенционное влияние. Комплексное внимание – это специфический, в течение 20-ого столетия все больше и больше развивающийся «поздний модерн» (*postmoderne*), человеческое качество „*трансверсального разума*“ (Петцольд, Орт, Зипер 2014а), которое результирует из «наблюдения модерна» (Луманн в 1992), дискуссионно-аналитического исследования и метагерменевтической многостепенной рефлексии наблюдаемого (Петцольд 2005u):

- *комплексное внимание в „контексте и континууме“ как личное, но также и как интерперсональное по происхождению, представляет основу в спирально движущемся вперед процессе:*

- *восприятия собственной экологической и социальной встроенности (embeddedness) и ее антропогенной угрозы, также через активный поиск и осмотр конкретных экотопов (то же 2006р);*

- *осознания собственной социальной, а также экологической принадлежности (Ökologizität) и угрозы для нее посредством механизмов множественной отчужденности, которые проявляют себя во многих стратегиях эксплуатации, колонизации и, в конечном счете, в разрушении природы (Петцольд 1987d);*

- *понимания, что пренебрежение или затушевывание этих структурных, социальных и экологических феноменов (Петцольд 1978с) имеет своим результатом экологическое и социальное разрушение. Не только кое-что, а многое надо делать: необходимы предупредительные, превентивные меры, уменьшающие повреждение природы; нужны реституционные, компенсаторные интервенции;*

- *объяснения через систематическую теоретическую работу, дальше через инициирование и оценку исследований, трансфер полученных знаний в образовании, дальнейших мероприятиях и повышении квалификации, в общественной работе и проектной работе, для продвижения и распространения релевантных уровней знаний.*

6. действия, уравновешенные и ориентированные на цель, практически реализованные, при внимательном наблюдении за ними и их оценке.

Действие ведет с другой стороны во внимательное восприятие — обобщение — понимание — объяснение и, таким образом, к новому действию — это постоянная „герменевтическая спираль“.

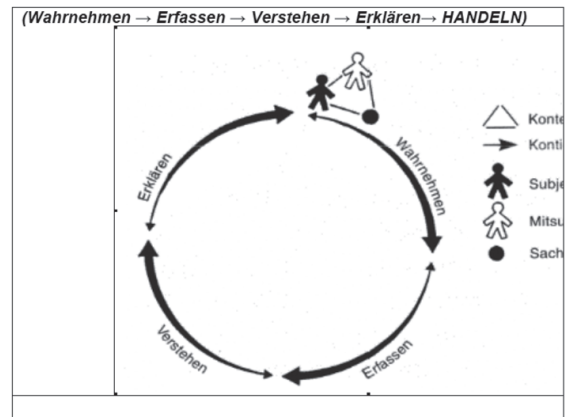
Это также значит, что существует шанс собственного роста в этих спиральных процессах развития, роста в компетенциях и в реализующих действиях (Performanzen), так и мы будем более компетентными в „caring for nature“ акциях и во внимании к Caring процессам (Вайнштейн и друг. 2009).

Поэтому цель направления развития такого „комплексного внимания“ — это его самокультивирование, его собственная интенсификация и его растущий трансверсалитет, так как люди начали, несмотря на их экологическую несознательность, невнимательность и деструктивность, очень поздно и недостаточно широко, воспринимать свое огромное антропогенное природное разрушение. Они все еще избегают конкретного анализа сложных экологических отношений (Петцольд 2006р) и только что начинают очень нерешительно осознавать и понимать свою разрушительную работу во всей ее чрезмерности и деволуционной динамике (Петцольд 1986х), таким образом, очень медленно возникают солидные модели объяснения, которые так необходимы, чтобы преодолеть это недостаточное «внимание» для неделимости (Integrität) людей, животных, растений как экосистем. Это подведет людей к тому, чтобы через последовательные действия полностью заботиться об этой целостности.

Таким образом, в настоящее время, мы еще очень отдалены от того, чтобы принять необходимые для выживания, комплексные меры, которые должны осуществиться, чтобы противостоять катастрофичным изменениям, в которые мы попали и попадаем через наше неудержимое использование и повреждение этого жизненного мира.

Всего с нарастающим внимательным познанием жизненного и природного мира и в растущей экософийской сознательной жизненной практике можно добыть более полное понимание глобальных экосистем, витальной очевидности (vitale Evidenz) нашей собственной принадлежности к ним, а именно: для расцвета или гибели. „Комплексное внимание“ заставляет нас все больше понимать, что наше человеческое бытие базируется на экологической гуманности.

Оно основывается на сознании, что мы „экологические граждане/ки мира“, это возлагает на нас „активную функцию сторожа“ (engagierten Wächterfunktion) для обеспечения целостности экосистем и функцию „экологической Caring for Natura“, ведущей к конкретному, „мелиористскому действию для мира живого“, иначе человечество в и с его земной экосистемой попадает витально под угрозу (ср. Петцольд 2005г; Петцольд, Орт-Петцольд, Орт 2013).

Герменевтическая спираль в контексте и континууме (Петцольд 1992a: 489)

В эволюции возникли *сетевые связи/соединения* (Vernetzungen/Konnektivierungen) живого, и, как групповое существо, развился человек «гомо сапиенс» в контекст-/континууме живой природы, с которой он многообразно связан. Так и возникла *принципиальная соединенная связь* (konnektivierte Konvivialität), которая позволила развиваться „структурному экологицитету“ у всех живых существ, включая нас, сапиенс гоминидов, целостность которого должна гарантироваться, так как через угрозу для него или нарушение его существования возникает также угроза выживаемости взаимосвязи (des Konnektivierten), а именно: всего живого. Наряду с удивлением по отношению к разнообразию и красоты жизни, наряду со знанием о функциональности взаимодействия в природе, в человеке укореняется „благоговение перед жизнью“, что проявляется отчасти в обоснованном страхе за собственную жизнь и в переживании опасности для жизни.

1.3. О „структурном экологицитете“ человека

Человек включен (embedded) в природу этого мира, из которой он произошел в процессах эволюции. Он есть, как каждое другое существо, как обычно говорят, „ребенок природы“, принадлежащий земной экологической структуре. Для понимания этой принадлежности считается важным развить „комплексное сознание“ (Петцольд 1988m), которое может быть основой для „caring for nature“ и сензитивного экологического поведения. Альберт Швайцер в своей работе дал описание качества того, что мы называем „структурным экологицитетом“: «Что такое благоговение перед жизнью, и как оно в нас возникает? Самый непосредственный факт человеческого сознания звучит: ‘Я жизнь, которая хочет жить, посреди жизни, жизнь хочет.’ Как воля к жизни посреди воли к жизни человек утверждает себя в каждом мгновении, в котором он задумывается о себе самом и мире вокруг себя» (Альберт Швайцер 1991; ср. Альтнер и друг. 2006).

Я добавлю еще к этому «размышлению»: *Там где человек «чувствует» и в „изумлении на собственном теле“ ощущает витальную угрозу для себя, где он «со-чувствует», когда животное жестоко замучивают* (Швайцер 2006), ландшафт разрушается, а именно: до того момента, когда возникнет реальное «сочувствие», которое человеку в телесно испытанной и обеспеченной эмоцией интенсивности с „витальным доказательством“ (Петцольд 2003а: 633, 694f) ясно покажет, что он хочет жить, так как и каждое другое живое существо. Поэтому каждое вытеснение, отрицание или диссоциация нашей собственной опасности, также как и каждая ошибочная безопасность, мысль что „с нами ничего случиться не может, все не так плохо!“, каждое опошление или тривиализация экологических рисков должны конфронтироваться через формирование соответствующей реальности сознания опасностей и активизации воли к жизни, так как то и другое принуждает к действию. Когда экологические сети разрушаются или рвутся, пищевые цепи перерываются или уничтожаются, „зеленые легкие“ исчезают, моря умирают и по их функции для глобальной экосистемы больше не становятся эффективными, так и вся система будет под угрозой как целое, также как и наша собственная жизнь. Поэтому мы должны действовать, понимая наивысшую необходимость в этом, для нас и для всего живого.

Без гарантии безопасности, достоинства, неделимости живого в целом мы стоим на пороге „дегуманизации“ (Dehumanisierung) и „дефаунации“ (Defaunation), драматической потери живых существ на этой планете (Дирцо и друг. 2014; Карей (Carey) 2014; Кольберг 2014). Существенные права природы едва ли учитываются, охрана природы абсолютно недостаточна, а „право человека на неповрежденную природу“ не обеспечивается. Отсюда возникает угроза потери «человеческой сущности» (Hominität) (Петцольд 2003а: 884), т.е. в нашем понимании: специфического склада людей, как витально укоренившихся в природе живых существ, уязвимых, как и сама природа, которые в своей человеческой сущности, экософически соединяют природу и культуру.

Hominität характеризует человеческую природу на индивидуальном и коллективном уровнях в ее биопсихо-социальном устройстве и в ее экологической, а также и культурной интеграции с ее потенциалом к де-струкции/негуманности и к достоинству/гуманности. Hominität-концепт видит человека как природное и культурное существо в постоянном развитии, в его самопреодолении (Selbstüberschreitung), именно человеческая сущность (Hominität) есть и будет задачей продолжающегося процесса гоминизации, постоянной реализации с открытым концом – это ДОРОГА, которая может привести к культивированию и победе широко понятой „экологической гуманности“.

Если возникнет задержка развития этих эволюционных потенциалов (Петцольд 2003е), этой „экологической гуманности“, человечности, показывающей необходимость „экологичности“ (Ökologizität), тесной связи

с природой и заботы о ней, то такая задержка развития может сделать человечество опасным для природы и вместе с тем для себя самого. Поэтому человечество должно отказаться от менталитета „ecological caring“ (Петцольд, Орт 1998), благоразумного, когнитивно богатого „écologie de l'esprit“ (Штиглер 2008: 68; Бейтсон 1972, 1981) и от базирующегося на переживании, эмоционально богатого „écologie de coexistence véscue“, человечество должно найти путь к истинно пережитой, прочувствованной взаимосвязи с природой. Политически такой путь должен себя реализовать в новых политиках (Легеви (Leggewie), Вельцер 2009). Необходимо для этого, как указал Стиглер (2008, 2010), продолжая Фуко, анализировать современный жизненный мир с его контролируемым капиталом, потребительским менталитетом. В «психовласти» речь больше не идет о том, как в «биовласти» Фуко (1977, 2006; Геринг 2006) о регулировании прироста населения, о биополитических техниках власти, которые „не на отдельного человека, а на все население направляются“ (Фуко 1981/1985), о численности населения в процессах производства и потребления. В „психовласти“ Стиглера речь идет о моделировании человеческих мозгов для потребления, „психотехнологическом делении мобильной культурной- и программной промышленности“, о средствах массовой информации, которые располагают достаточным временем и односторонне программируют человеческие мозги.

Аргументация Стиглера выразительно подкрепляется социально-психологическим и клиническим взглядом на потребительские привычки, на вынужденные покупки (compulsive buying disorder, Блек 2007; Бенсон 2008), поведение, которое причисляется к «независимым от материалов» зависимостям или к контрольному расстройству импульса (Мюллер и друг. 2008). Но потребительский шантаж (Kaufzwang), ажиотаж покупок (Kaufrausch), особенно у молодых людей, необходимо понимать более широко. В процессе «shopping» вызываются атавистические образцы: люди ищут как собиратели и охотники и находят вдруг кое-что „совсем замечательное“, хотя бы что-то совсем и незначительное, но они раздобыли себе «удачную, дешевую покупку» (Schnäppchen), у кого-то что-то взяли перед самым носом, добились, как им кажется, «трофея».

Для поддержания этого состояния дофаминовая система дает вознаграждения (Бйёрклунд (Björklund), Даннет (Dunnet) 2007), которые увеличивают мотивацию дальнейшего собирания и приобретения (Ариас-Кариен (Arias-Carrión), Пыппель 2007; Йазди 2013). Покупка определенных фирменных товаров делает возможность самопрезентации и групповой принадлежности. Человек принадлежит „life style community“. Это подкрепляет положительное переживания своей самооценки и идентичности (Мюллер, Петцольд 1999; то же 2012а). Большая часть молодых людей определяет себя через потребление (Крюг, Тюлы 2011; Тюлы, Крюг 2011), совсем не задумываясь о том, что это значит для окружающей среды. Посредством „overshopping“ расхо-

дуются огромные массы ресурсов (только подумать бы о Fun-футболках) и производятся гигантские лавины мусора (полиэтиленовая упаковка и пакеты). Общество «закупочных наркоманов» находится в прогрессивных процессах роста (Йазди 2013), оно разрушает внимание, понимание и ответственность. После того, как просвещение освободило нас, как мы надеемся, по словам Стиглера, от общественных, политических, а также религиозных зависимостей и „несовершеннолетия по собственной вине“ (Кант 1784, 481), возникает опять новое „коллективное несовершеннолетие“. К его перспективе нужно относиться серьезно, так как эта перспектива связана с „потерей заботы“. Для меня это „самозабота, *soi de soi*“ (Фуко 1984), но также и „забота об общественном благосостоянии“ (Лайтнер, Петцольд 2005/2010; Зиглер 2014) и , что мы подчеркиваем, „забота о природе“, „*caring for nature*“. Быть сегодня «гражданином/кой мира» значит „быть экологическими гражданами/ками мира“, мы утверждаем это, опираясь на новаторский текст Канта (1784) в его космополитическом размере.

Культивирование нового, „комплексного внимания“, как мы уже изложили, будет необходимым, также как и поддержка „критической функции сторожа“ и готовности идти в находящиеся под угрозой места и в результате конкретного осмотра, открыто поднимать свой голос за „экологическую гуманность“. Люди станут тогда носителями экологической и, в то же время, гуманной, гуманитарной жизненной практики. Ее реализация, должна последовательно выражать степень нашего осознания, нашей принадлежности к жизненному миру, наш экологический и вместе с людьми нашего времени („трансверсальный модерн“) ставить себе такую практику как задачу.

Это может казаться на первый взгляд необычным, а именно: попытка связать друг с другом гуманность и экологию. Проявление более или менее сильного диссонанса приводит к тому, что большинство людей считает себя „выше природы“ и вместе с тем „вне природы“, что непосредственно ведет к объективации и овеществлению. Видеть себя как „животное среди животных“ (хотя и особенное животное; Аннерл (Annerl) 2006; Хытнер, Петцольд 2012) –это провоцирует большое внутреннее возмущение и ведет к „множественной отчужденности“ (Петцольд 1987d): отчужденности от природы, в большинстве случаев связанной с отчужденностью от нашей собственной телесности, доводящей нас даже до заболевания (Петцольд, Шух (Schuch) 1991). Еврейско-христианская доктрина овладения природой (1. Мои. 1, 28, ср. Крользик (Krolzik) 1989) стоит здесь на заднем плане, но также и марксистская и неомарксистская теория отчужденности (совершенно со скрытыми связями крипто-религиозного дискурса; Даук (Dauk) 1989; Фуко 1982). Адорно и Норкхаймер поясняют в „диалектике разъяснения“, что развивающаяся в цивилизации власть над природой реализуется только ценой отчужденности по отношению к ней. „Радикальное обобществление есть синоним радикальной отчужденности“ (Адорно, Норкхаймер

2000: 58). Этот вывод, что преодолеть отчужденность невозможно, нужно пересмотреть: „природа-человек-отношение“ заново может быть обдуманно и определено в по-новому ориентированных процессах инкультурации, социализации и экологизации (*Ökologisation*) (Петцольд 2006р) детей и взрослых, а именно: как конвивиальное отношение (*Konvivialitätsverhältnis*) обобществления с природой, а не как отношение преобладания, эксплуатации и ее использования (*Vernutzungsverhältnis*). Политически, педагогически, при обучении вне классной комнаты, обучая взрослых природно-терапевтически, речь идет о том, чтобы в понимании гуманности представить природу как очень важное Добро. Где происходит несправедливость, а в природе и с ее негуманными существами происходит часто большая несправедливость, необходимо создать законность. Где жестокость практикуется, а животные массово подвержены человеческой жестокости, там необходимо бороться против нарушения „человечности (*Essentialien des Menschlichen*)“ (Петцольд 2005г). Животные выполняют важный, нуждающийся в защите, вклад в их/наше экологическое пространство. Они испытывают боль, имеют ужасный страх перед смертью, у них есть сознание существования, например, большие человекообразные обезьяны имеют очень высокое качество сознания.

Все это привело к тому, чтобы рассматривать животных в качестве юридических лиц. „Great Ape Project“ выполнил здесь пионерскую работу и требует „право на жизнь“, „защиту индивидуальной свободы“ и „запрет пытки“ также для негуманных гоминидов, (Кавалеры, Зингер 1994; ср. Гольднер 2014). Петер Зингер в 1975 в своей книге «Animal Liberation» (нем. Зингера 1996) и его тезисе о качестве личности больших человекообразных обезьян дал толчок для чрезвычайно бурных дебатов об этике и о правах животных. (ср. Флюры (Flury) 1999; Петрус в 2013). Эти дискуссии продолжают с помощью разнообразных аргументов и должны дальше продолжаться. В этом обсуждении мы приводим аргумент „экологического императива“ (ср. здесь 6.1), защиты живого, к которому мы, как люди, принадлежим и который только как обобщенная охрана глобальной эко-системы гарантируется, конечно, с позиции принципиального „*caring for nature*“. Су Доналдсон и Уилл Кимлика (2013) показали в своей книге „Zoopolis: A Political Theory of Animal Rights.“, что мы неразрывно связаны с животными. Поэтому мы обязаны им больше, чем только наше сочувствие, в особенности за их, в большой мере вызванное нашими действиями, страдание. Мы обязаны им также отдать справедливость. Животное, в результате принадлежности к нашей жизни, становится реальным политическим существом (по словам Доналдсон и Кимлика.) Эта мысль содержит убедительные моменты, которые надо углублять. Усилия по «правам животных» показывают растущую значимость этих вопросов (Петрус 2013; Рейган 2003; Шмитц 2014). Они должны найти все же более широкий резонанс, так что в размышлениях о „гуманно-существенном (*Human-Essentialien*)“,

о том, что нас делает людьми по существу (Петцольд 2005г), усиливается понимание, что мы „часть земной природы“. Наша уязвимая человеческая природа настолько сильно и прямо с ней связана, что разрушение природы Астероидом или человеком, через разрушение экологии в „ноосфере (Вернадский) или в „антропоцене“ (Манеманн 2014), ведет к саморазрушению человека. Это следует из переживания и опыта таких нарушений на индивидуальном и коллективном уровне, а также на уровне природного разрушения („выжженная земля“, ср. Гитлер «Неро-приказ 19.3 1945») или, если думать о „man-made-desasters“, опыте погромов и пыток, воинственном опустошении природы и (Агент Оранж, Бони Вонну 2010; Capdeville и друг. 2005) о физических, психических, социальных и экологических (ср. Петцольд 2001м) последствиях этого.

„Экологичитет (Ökologizität)“ человека и его „социальность (Sozialität)“ – это не есть что-то «внешнее». Человек – это часть «жизненного мира» полностью социальное и экологическое существо, которое, однако, способно принимать во внимание рефлексивные и метарефлексивные мнения о себе, чего никакое другое существо биосферы на этой планете делать не умеет, вместе с ней и в „Неосфере“, где, в терминологии Вернадского, через человеческий Разум возникла определенная всемирная эпоха. На основе человеческого, до сих пор неповторимого в природе «эксцентрицитета» или „эксцентрической позициональности“ (Плеснер 1975; Фишер 2008; Петцольд 2003е) и связанной с ними само- и контекст-сознательной рефлексивности (Reflexivität), человек способен к „центрицитету“ (Zentrizität), т.е. определению своей „центрированности в мире“. Для этого он требует, однако, уже с ранних пор экологического воспитания в родном доме, школе, чтобы развивались системы образования „éducation permanente“, „life long ecological learning“ (Зипер (Sieper), Петцольд 1993/2011, 2002/2011) в области экологического образования, но это, к сожалению, до сих пор еще очень слабо разработано. С таким информационным полем у человека есть возможность, вести себя „экософически“ (Ökosophisch), по законам экологии и таким способом избежать деструкции и самодеструкции, в которую он сам себя увлекает.

В видимом мире присутствует только часть его (Мерло-Понти 1964), я в состоянии эксцентрической трансгрессии (эксцентрическая позициональность Плеснера) могу понять, что без центрицитета (Zentrizität), без двойной представленности, а именно: в теле и в жизненном мире, а также в моем дискурсе и в других дискурсах, в которых я участвую, я теряю адекватность. Субъект, олицетворенный в реальном мире и одновременно встроенный (eingebettet) в этот мир, соединенного и дифференцированно бытия, для которого сегодня употребляется формула 'Embodied and Embedded' (Хокланд 1995; Петцольд 2002й), если субъект сохранен в этой фундаментальной и высоко-комплексной структуре „человек-в/с-миром“. Эта структура может представ-

ляться виртуально, но, к сожалению, от нее часто просто устраняются. (ср. Петцольд 2014б).

Жизненный мир сегодня не может больше понимать локально или только в близком пространстве. Глобализованные влияния все больше и больше определяют путь региональных экотопов, так что людям свою необходимость «быть-центрированным „в мире как в целом“, свой „структурный экологичитет“ необходимо осознать, и это знание нам жизненно необходимо. Если эта включенность (embeddedness) в мировую экосистему будет реализоваться, то она проявится в своем качестве как гиперцентрицитет (озоновый слой земной атмосферы, температура мировых океанов имеют для земли – наш центр – в целом центральное значение). Наш центр не является больше только локальной родиной, наш центр и наша родина – это весь Мир: наша родная планета, «плоть» (chair du monde) по термину Мерло-Понти (1945, 1964), к которой мы принадлежим через наш жизненный экологичитет.

Под экологичитетом (Ökologizität) понимается фундаментальная принадлежность живого существа или всех живых существ, включая человека, к их соответственно специфическому экотопу или экотопам, это жизненные пространства, которые связаны с земной экосистемой в ее совокупности. Без этого специфического отношения к экологии, которое надо видеть как центрированное качество в эволюционно-биологическом пространстве развития с поведенческими вариантами или вариантами действия (affordances, Гибсон 1977, 1982), невозможно понимание живого существа.

За этим центрицитетом в специфическом экотопе для живого существа стоит всегда его тесная связь с экологической совокупной мировой системой, гиперцентрицитет, который неизбежен, так как этот мир не имеет границ. (Петцольд 2014б).

В специфических эко-системах / экотопам возникли особые свойства и возможности живых существ, в эволюционных нарративах это рассказы о связи между копытом лошади и степью, плавником рыбы и водой, (К. Лоренц 1941), так учит „эволюционная теория познания“ (так же 1973; Ридель 1982; Ридель, Дельпос 1996; критический сильный 2006). Для человека, перешагивающего границы жизненного пространства, живого существа, с многими возможностями эксцентрицитета для своих жизненных пространств, речь будет идти о том, чтобы адекватно понимать и в своем поведении учитывать эксцентрицитет/гиперэксцентрицитет и центрицитет/гиперцентрицитет. Человек должен с учетом своего специфического жизненного пространства и экологических всемирных отношений регулировать свое поведение и осознавать, что именно соответствует его природе (это касается, например, его здоровья, но также понимать, что несет с собой любая генетическая и церебральная самоманипуляция, самокиборгизация (Selbstcyborgisierung). Одновременно нужно понимание того, что требует земная экология как основа всех жизненных процессов или что ей угрожает (например, genetic engineering, отягчаю-

щая эко- и климатическую систему, практика производства и потребления, в которой в самом прямом смысле слова потребляется жизненный мир до такой степени, что он больше не может регенерироваться; ср. Стиглер 2010). Это становится для человека, для человечества задачей, которая определит наше будущее и решение вопроса как выжить.

Сегодня у людей есть возможность, в конце концов, через технологию и возникающему, благодаря этому информационному изобилию и виртуальности (Миколли 2010: 105 и на следующих страницах), осознать ее деструктивность в рамках „антропоцена“ (Anthropozäns), они могут также ликвидировать свою „дисфункциональную приоритетность“ (dysfunktionale Priorisierung) за счет всей жизни в этом мире, включая собственную жизнь. Наивность, исключительно сфокусированная на человеческом „гуманизме“, как он представлен во многих формах „гуманистической психологии“ (Эбервайн, Тель 2014), должна уступить место расширенной перспективе, „экологической гуманности“, которая представляет заботу о жизни „Sorge/Caring о „целостности живого“ как высший принцип человеческого действия.

2. От многодисциплинарности до интердисциплинарности и до трансдисциплинарности

Возникший под всеми этими влияниями и стремительно растущий „экологический Кризис“ должен пониматься, не упрощая проблематики, как „мульти-размерный кризис“ в глобальном размере (Фотопулос (Fotopoulos) 2003, 2007). Разнообразные попытки понять причины этой ситуации, которые только отчасти представлены в ключевых словах «всемирное рискованное общество» и «глобализация» (Бек 1997, 2010; Нидербергер, Шинк 2011), невозможно рассматривать здесь во всей полноте.

Решения находятся до сих пор еще в пробной фазе моно- и мультидисциплинарных проектов (различные дисциплины представляют свои исследования и возможные точки зрения только в голом сопоставлении (juxtaposition)). Все больше, однако, имеют место также интердисциплинарные подходы (различные дисциплины сотрудничают друг с другом). При сложности этой проблематики по-другому работать и невозможно. Обоснованная интердисциплинарность (Fundierte Interdisziplinarität) требует компетентных, хорошо информированных о позиции других дисциплин обсуждений или «полилогов» (Петцольд 2005д) между экспертами, включая запланированные интервенции потенциально затронутого гражданина (!) как эксперта в своей ситуации. „Двойная или множественная экспертная оценка“ (то же самое 1990и) — это необходимый момент трансдисциплинарного, «близкого гражданам» и при необходимости «близкого клиентам» исследования. Это пока еще редко имеет место. Широкое соучастие являет-

ся также постулатом делиберативной или инклюзивной демократии, которая во всех сферах жизни нуждается в прозрачности и участии общественности (Фотопулос (Fotopoulos) 2003, 2007; Хабермас (Habermas) 1992; Лыш 2005). Только таким образом можно ожидать решения для „далеко идущих рамок релевантности“, которые встречают широкое одобрение. Решения за закрытыми дверями мимо демократических комитетов недопустимы (ср. ТТИР).

При условии, если интердисциплинарные полилоги достигнут высокой информационной плотности, появляется возможность возникновения трансдисциплинарных решений „более высокого порядка“ (Петцольд 1994а, 1998а: 23 и на следующих страницах) как ко-креативное достижение (kokreative Leistung) „коллективного, трансверсального разума“. Именно так это определяется и в интегративном понимании (Петцольд, Орт, Зипер 2014; ср. Вельш 1996). Такая практика ведет часто к более комплексным формам мышления, например, что экологические и гуманитарные масштабы, „причины за причинами, следствия за следствиями“ (Петцольд 1994с), включаются в когнитивный процесс релевантной устойчивости окружающей среды. Такие решения экспертов должны адекватно опираться на общую согласованность, чтобы затем реализоваться в политике. Это требует времени, а его у нас становится все меньше. Кроме того, мы находимся в трансдисциплинарном образовании, теории и исследовании, а оно превосходит как раз интердисциплинарность. Пока еще мало у нас этого опыта и нет нужных знаний, но только таким образом можно охватить всемирную сложность, как снова и снова подчеркивает физик-теоретик Басараб Николеску (1994, 2008), один из протагонистов трансдисциплинарности. Это новое мышление (от Мютиса (Mutius) 2004) имеет свое начало в 1990ых годах в различных областях и в разных широтах, представлено более глубоко у Миттельштраус (Mittelstraß) (2003), шире у Николеску (1994) и прямо к (Морин 1997; Петцольд 1998а). Пиаже пользовался этим понятием в 1973. В 1994 в Португалии проводился „1st World Congress of Transdisciplinarity“, Convento da Arrabida, на котором был принят манифест „Charter of Transdisciplinarity“. Мы видим в этом трансверсальное и включенное мышление (inklusive Denken), которое пересекает разнообразные области знаний, с тем, чтобы их комплексно охватывать и, в то же время, в интегративном, транс-дисциплинарном исследовательском процессе производить новое знание (Бергман, Штауффахер (Stauffacher) 2008), которое все время соединяется в новых трансгрессиях и метагерменевтически должно проникать друг в друга (Петцольд 1994а, 2005р; Петцольд, Орт, Зипер 2014а, 112 и на следующих страницах). Трансдисциплинарность (Transdisziplinarität) для комплексных полей знаний и широких полей релевантности (Relevanzfelder), таких как науки об окружающей среде (Грос, Штауффахер 2014; Штефан, Альхайм 2013) — это есть современная «необходимость». При преодолении гиперкомплексности экологической проблематики

в позднем модерне, ее экономического, экологического, климатологического, демографического и т.д. и т.д. масштаба, мы стоим еще во многих областях в самом начале по отношению к полученным транс-дисциплинарным результатам, их оценкам и прогнозам. И если достигается прочное научное согласие, то ученые выходят на политические задачи, кажущиеся почти непреодолимыми, на преобразования по масштабам на глобальном уровне, на политических и министерско-бюрократических носителей решений. Так и начинается конфликт, пустая трата времени, когда время стало острым дефицитом. Ввиду таких трудностей становится необходимым на многих уровнях выполнять интердисциплинарные подготовительные работы, транс-дисциплинарные проекты малых и средних форматов, разных степеней значимости.

3. Трансверсальный разум – мелиористское передвижение

Мы должны решать поставленные задачи (см. выше) в сфере экологического микро- и мезо-пространства, а именно: сами создавать это пространство оптимально соответствующим жизни человека, дающим ему положительные эмоции, «радость глазу» и хорошее настроение. Такое пространство нужно уметь видеть, осознавать и в нем экспериментировать, приближать его к природе, защищать и усовершенствовать, что требует всех имеющихся интердисциплинарных знаний и активной работы, мобилизации всех ресурсов.

Наша цель и надежда в том, что такие Bottom up интердисциплинарные проекты с участием множества активных граждан ведут к взаимодействию многих сил, различных областей, в результате взаимодействия поднимаются над ними, превосходят их.

Коллективный, „трансверсальный разум“ порождает конвергенцию науки и экологического практического действия на средних уровнях или в подобластях, что дает импульсы и вызывает в дальнейшем ведущие Top-down резонансы.

Таким образом, практика трансдисциплинарности в „конвивиальных (жизнерадостных) пространствах“ сможет развить себя с растущей эффективностью для конструктивных усовершенствований предыдущего (Фуко 1963) в направлении на существенные амелиорации (Ameliorationen) проблемных ситуаций и бедственных положений, в которые попали люди или которые привели к угрозе экологии. Здесь находится изменяющийся потенциал Общественных организаций (NGOs), таких движений как „GREEN CARE“ и „НОВЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРАПИЙ“, их эко-психологических и outdoor-педагогических методологий (Петцольд 2013 г; Штег и другие. 2013), которые нуждаются в интердисциплинарном знании и которые производят трансдисциплинарные праксиологии с тем, чтобы гарантировать человеку конвивиальные (жизнерадостные) пространства для жизни.

В таких инициативах проявляется высокая гуманность и всеобъемлющее экософийское обязательство. Гуманно-сфокусированная перспектива развития общества расширяется до земно-экологической или экологической, до „Caring for Nature“, с тем, чтобы альтруистичные и мелиористские ориентации прямо перенести на природу. Нашу дефиницию мелиоризма (Meliorismusdefinition) (ср. Петцольд 2009d) мы расширили соответствующим образом (указано курсивом):

МЕЛИОРИЗМ — это философская, социологическая и экологическая позиция (см. историю философии развития о разнообразных течениях), которая стремится к «улучшению» всемирных отношений, общества, людей, отношения человек-природа, таким образом, что активно принимает участие в развитии и использовании потенциалов обоснованного конвивиализма жизненного пространства.

Мелиоризм предполагает при этом, что в результате исторических процессов и культурной эволюции общества, жизненные пространства могут улучшаться, что прогресс согласно непрерывному развитию к лучшему возможен, благодаря разуму, любви к человеку и природе. С помощью научных средств, материальных инвестиций и реализации потенциала социально-гуманитарной и экологической активности людей этот прогресс может ускоряться (2015).

Здесь следует, конечно, непосредственно включить в сознание критическое „save“ в связи с опасностью наивного мелиоризма, наивной веры в прогресс или риска более тоталитарной мелиористской идеологии (например, в эсхатологическо-мелиористском коммунизме). Также бегство к религиозным или метафизическим мелиористским идеям следует держать под контролем, если есть признаки такого бегства или миссионерская цель. Мелиоризм и альтруизм в профессиональной работе с людьми должен иметь ясную, светскую, гуманитарную и экософийскую ориентацию (Рецольд, Орт, Зипер 2009), должен поддерживаться „Human Rights Orientation“ и „Caring for Nature“, а не эзотерикой (Петцольд, Орт 2013а; Петцольд, Орт-Петцольд, Орт 2013). *Критическое сознание, политическая бдительность, практикуемое демократическое поведение и конкретная экологическая ответственность должны составлять его основу.* Наша дефиниция опять несколько расширена (курсив).

Альтруизм – это в критически-ценностной теоретической рефлексии принятое решение солидарного выступления за других людей, находящихся в нужде (несмотря на их происхождение), с целью поддерживать их в опасности, бедственных положениях, так как этого требует справедливость и достоинство человека. Эти принципиальные обязательства помощи важны также и для нас самих. Тогда и мы в бедственных ситуациях можем надеяться на поддержку. Таким образом, самозабота и забота о другом объединяются в активной поведенческой практике (engagierter Praxis) (Петцольд, Зипер 2011: 4). Также как оживленная при-

рода становится основой всего живого, так и альтруизм должен поддерживать комплексное внимание и заботу людей о целостности биосферы, конкретными действиями в сфере „Caring for Nature“ и „конвициальной экологии“ (2015). Это реализуется в конечном счете в «культурной работе» и конвициальной экологии, противопоставленных „множественной отчужденности“ в современном мире, отличающимся высокой степенью риска и массовой погоней за материальными ценностями. (Бек 2008). Это работа, которая на основе „трансверсального разума“ (Вельш 1996), гуманитарной помощи и экологической/экософийской ответственности должна продвигаться вперед. Практические инициативы и проекты могут поддерживаться методами комплексной системы менеджмента, такими как современные формы супервизии и метаконсультирования (Supervision и Metaconsultings), которые обеспечиваются трансверсальным разумом и транс-дисциплинарной практикой (Петцольд 1998а, 2007а; Петцольд, Зипер, Орт 2013б). Когда Вельш (1996: 934) говорит о таком разуме, он имеет в виду „способность найти взаимосвязи внутри разнообразия“. Он имеет в виду „установление исключений, изменения собственного мышления, расширение взгляда на других людей“ (там же 940), готовность, воспринимать «противоречия» (там же 938).

Трансверсальный разум может, реализуя успешно кантовскую традицию и даже превосходя ее, пониматься как продукт комплексного идейного образования/ментализации на основе более рефлексивной/ корелективной/ метарефлексивной/ гиперрефлексивной и более интуитивной, более ментальной способности людей и человеческих групп, которые приобщают эмотивные, волевые, когнитивные и вместе с тем этические и эстетические измерения (т.е. более высокие процессы познания). Это делает возможным связывать друг с другом дисциплинарные единичные перспективы, единичные сведения и опыты, делать коллажи (collagieren) и приводить их интер-дисциплинарно и транс-дисциплинарно к общим знаниям, знаниям о человеке, его природе, обществах, мире, жизни и т.д. таким способом, чтобы не нивелировать существующего разнообразия. Трансверсальный разум держит их (знания) более открытыми и делает возможным переходы и поперечные движения между ними. Эти, основанные на разуме и, в то же время, генерирующие разум, ментализации/идеи должны регулятивно и структуративно обеспечить многообразные практики самоуправления и всемирного управления. Трансверсальный разум никогда не был и никогда не будет одиноким. Он возникает из никогда некончающегося, полицентрического взаимодействия индивидуальных и коллективных ментализаций, которые обосновывают трансверсальность разумных процессов и, в то же время, как раз из такой трансверсальности в спиральной рекурсивности появляются. Такие ментализации обеспечивают (konnektivierende Verbindungen) коннективные связи, солидарность, конвициализм (Konvivialität) (Петцольд 2012х).

4. Неустойчивая биофилия или переданная через экологизацию экофилия

„Природа — это многообразное единство, которое обнаруживается в ‘конвициальных пространствах’ (Konvivialitätsräumen) – биотопах, экотопах, нишах, местах распространения, жизненных пространствах, отличающихся специфическими формами и качествами существования, которые надо понимать, если нам придется передвигаться в этих пространствах как ‘гостю’, а не как ‘нарушителю’“.

Люди показывали и все еще показывают, эксплуатирующее и потребительское отношение к природе, это проявления малых групп гоминид перед лицом „бесконечного богатства“ природы. «Убирается урожай» – „biophag“ – просто собираются растительные и животные продукты природы (Шмиль 2011), в том числе также иногда и другие человеческие животные (Menschentiere) – „just another meat“ (Оуэн 2010). Этих продуктов было достаточно для небольшого количества, например, 1000 людей в данных больших пригородных пространствах.

Заботливое общение, стабильность не были жизненно необходимы и поэтому они не стали предметами обучения, контролирующими поведение с помощью генетической программы (evolutionary narratives). Более широко проникающая в жизнь domestикация начинается с неолита (Мартиняк 2005; Кедер 2006, 2012), у волков и собак это, возможно, происходило еще много раньше: до 100000 лет назад, как показывают палеогенетические анализы (Тальманн 2013). Но что это значит? Животные содержались как убойный скот и разводились во все большем поголовии, с продолжительными, сегодня катастрофическими последствиями для биосферы (Вине 2011), а также как рабочие животные, помощники на охоте или войне (собаки, лошади, слоны). Ни слова о гуманном животноводстве, разве только речь шла и идет о благородных экземплярах, которые могли украшать жизнь особенно привилегированных людей: ценное владение, или проявление желания прожить на них чувство доминантности. Домашние животные как „domestic pets“ (Дрисколл и др. 2009) — это обычная история. Гуманное животноводство или защита животных — это до сих пор во многих культурах — чуждая мысль. К примеру, весь ужас опытов над животными (Тэйлор и др. 2008; Карбон 2004) и массового содержания животных, плюс чрезмерное потребление мяса сводят на нет число аргументов о принципиальной любви человека к животным или природе. История человеческого поведения на охоте и история domestикации (Ларсон 2014) не оставляют никакой солидной исторической основы для мифов о первоначальной гармоничности отношения «человек – природа».

В уничтожение европейской, американской и австралийской мега-фауны (гигантский ленивец, дипротодон, мамонт, шерстистый носорог и т.д.) в так называемом „Quaternary extinction“ наряду с климатическими изменениями, эпидемиями и т.д. внесли существенный вклад

также и люди (Пауль Мартин о мультипричинности, ср. Хайнес 2009; Варг 2001). Между 1750 и 1920 были убиты в Америке свыше 50 млн. бизонов, почти до тотального искоренения (Изенберг 2000), большей частью с целью получить шкуру. Только зимой 1872-1873 было „собрано“ больше чем 1,5 млн. шкур бизона. Это массовое убийство поддерживалось американской армией, чтобы флангировать геноцид „Белого Мужчины“ в индейских племенах (Смит 1994) и уничтожить основы их питания. Там не было любви ни к человеку, ни к животным.

Через миллионы лет ранние человеческие группы охотников и собирателей падали оценивали любых животных с «позиции добычи». Они охотились на зверей, убивали их и съедали. Были ли они очень вкусны или опасны, они уничтожались по разным причинам достаточно часто. Палеонтологические данные об этом однозначны. Сапиенс-гоминиды не были исключением и даже сегодня у нас есть возможность с нашим техническим оборудованием (например, при улове морской рыбы) зафиксировать тотальное уничтожение огромного количества видов, вплоть до их истребления. Охранные мероприятия или не проводятся вообще, или они незначительны и реализуются слишком поздно. Самоограничения при наших деволуционных стратегиях „devolutionären Strategien“ встречаются очень редко (Петцольд 1986х).

Однако, нынешняя, очень драматическая ситуация антропогенного природного уничтожения становится все более очевидной. Книга Елизаветы Колберт (2014) „The Sixth Extinction: An Unnatural History“, инициированная Эл Гором, представляет собой образец для многих разочарованных проповедников.

В этом контексте в природно-терапевтических кругах и эта, так охотно предлагаемая биофильская гипотеза о человеческой „натуральной связи с природой и любви к природе“ Эдварда О. Вилсона (1984) должна рассматриваться критически. Уилсон (1984: 1), в своей ‘биофильской гипотезе’, по-моему из-за выбора старофилологического и не очень удачно подходящего термина „philia“, вызвал у человека „urge to affiliate with other forms of life“ (Келлерт, Уилсон 1995: 416). По-гречески φίλια значит любовь и дружба, это позволяет читателям снова и снова понимать, особенно в области зоотерапии, что здесь имеется ввиду принципиальная любовь к животным и природе. Но это высказано у Уилсона, однако, недостаточно ясно. Он говорит о „affinity“, а аффинитет, естественно, определяется также интересом к добыче. Принятая Уильсоном „innate tendency to focus on life and lifelike processes“, показывает процессы, которые образовались в течение эволюции как „аффинитет человека ко многим формам жизни и к местам своего распространения и экосистемам [...], делающих жизнь возможной“ (Ольбрихт 2009: 113). Однако, несмотря на конкретное обращение людей к природе, мы видим скорее отношение доминантности, владения, овеществления и использования. Мы находим историю разрушения природы, а именно: загрязнение окружающей среды, экстенсивную

эксплуатацию, вырубку (например, всего Средиземного района римлянами), чрезмерный улов, охотничество, встретим факты искоренения целых видов, самое жестокое массовое содержание животных с драматическими экологическими последствиями (Альтманн-Бреве, Альтманн 2014; Шлатер 2010). Посредством современных масштабных технологий к этому добавляются сегодня такие чрезмерные риски как фрекинг, оффшорная добыча, атомные электростанции, приводящие к гигантским природным разрушениям в результате драматических инцидентов (Дипуотер Хорайзен-, Эксон Вальдез), к катастрофам: Фокусима, Чернобыль). Опасности, возникающие в связи с нерешенными проблемами утилизации отходов и долговременными последствиями этого, становятся все очевиднее. Все это указывает не на биофилию, а скорее на резкую тенденцию к природному разрушению, природной враждебности, на биодисмени (Biodysmenie) (δυσμένεια, враждебность), на в высшей мере противоречивое отношение к природе (Штег и др. 2013: 67 и на след. стр.) или, вероятно, даже на биополемии (πόλεμος Biopolemie = борьба, война). Доказательством служат кровавые сафари, охота на крупного зверя „Big Five“, вплоть до искоренения, а также охота на китов с ненавистью капитана Ахаба (Мелвилл 2012) или жажда любителей китового мяса.

„Homo praedator intelligens“, „умный хищный человек“ – он был им всегда, значит не только „sapiens sapiens“ должен по-новому учиться в 7 млрд. всемирных популяций, что ограниченную по количеству ресурсов землю нужно использовать осторожно и бережно расходовать ее ресурсы. Это будет значимая, трудная, но необходимая для существования людей задача, а именно: «продолжительно», глубоко, всестороннее и по-новому учиться, как по-другому обращаться с природой, как „конвивиально с ней сосуществовать“. Интерес к природе, который Уилсон правильно понимает как натуральный, должен дополняться действительно обоснованной по этике „филией“, которая эту большую амбивалентность по отношению к природе (так по исследованию (Штег и друг. 2013, и на следующих страницах.; Кронон 1996) преодолевает и передается культурной деятельностью дальше через понимающее природу воспитание в родном доме, школе и общественных средствах массовой информации, т.е. показывает в процессах „экологизации“ содействующую „экофилию“.

Экофилия – это, относящаяся к природе, воспитательно-образовательная работа, т.е. передающая ‘Экологизацию’ ‘любовь к природе’, выходящую из биофильского очарования и природно-эстетической радости к природным красотам, охватывающая осознанное решительное обращение к живому. Она укоренилась в ‘природно-эмпатическом обучении’, т.е. в когнитивном знании о неповторимости и разрушимом качестве жизни и в эмоциональном ощущении взаимно-совместности сотворения, в глубоком, экософийском понимании, насколько ценной является природа, и что я сам принадлежу природе в общем качестве (synontischen qualität).

‘Я принадлежу к плоти мира’ (Мерло Понти). Экофилия возникает и растет в ‘базальных экологических опытах’ и в процессах ‘рефлексивного природного понимания’, которое передается подрастающим детям, людям каждого возраста через природно-разумное и природно-любящее ‘значительное другое’ (bedeutsame Andere). Эти направления развивают внимание к природе, продуманную заботу (caring), активную готовность защищать и сохранять земную экологию как в Великом, так и в Малом масштабе.

Они противодействуют деволуционнным и разрушающим жизнь человеческим действиям (Biodysmenie). Экофилия углубляется – как каждая любовная связь – в конкретном, в себе снова и снова возобновляющемся опыте любить и в конкретной готовности к практической любви к природе.

В отличие от якобы генетически детерминированной и эволюционно-теоретически обоснованной биофилии (по Уилсону), которую мы также принимаем в расчет согласно принципу ‘заинтересованного внимания’, нами представлена в качестве интегративной модели (Бель1999) экофилия, включающая биофильские моменты как существенные, культурно-развиваемые качества любящего природу человека и его близости к природе.

Экофилия требует посредничества в процессах дифференцированной экологизации, которая противодействует беспристрастному природному использованию или примитивному природному разрушению.

Эта интегративная экофильская концепция не отрекается от людских ‘деволуционных тенденций’ (Петцольд 1986х), от фактов ‘Biodysmenie’, от природного разрушения в процессе всей истории человечества, она несет им свой счет с тем, чтобы ему противодействовать. То, что мы принадлежим ‘плоти мира’ (Мерло Понти), что мы стоим в неразрывной земной связи со всей жизнью (Вельш 2012а, б, с), также, что мы со всеми другими людьми биологически тесно связаны, для человека высококультурной цивилизации есть само собой разумеющийся факт, хотя мы принципиально направлены на «междутелесность», ‘intercorporeité’ (Мерло Понти 1964; М. Папошек 2007; Орт, Петцольд 2016). Похожее случается также у других форм гоминидов (Гайссманн 2003). Мы связаны родственными узлами также с другими животными, участвуем в ‘interanimalité’ (Фиренце 2013), даже если человек освободился от природы, он испытывает ее влияние.

Тому, как понимать экологизацию, придается большое значение. Речь идет, наряду с социализацией, о влияниях из близкого социально пространства, которые делают возможными развитие Себя (Selbst), «самоучения» (Selbstlernen) и энкультурации (Enkulturation), влияниями из вышестоящего культурного пространства, порождающими «культурное учение» (Петцольд 2012а, q) о третьем большем информационном поле, формирующем людей.

К этой программе краткое резюме:

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ- это мировое учение (Weltlernen), учение мира, с миром, о мире, через мир и его существа: растениях, животных, людях“.

Экологизация — это процесс комплексного влияния и формирования людей/гуманных приматов через экологические пространства на микро, мезо -и макро-уровне (контекст близкого пространства/эко топ, например, жилое помещение, рабочее место; контекст большого пространства/хабитат, например, такой ландшафт как гора, лес, море, пустынный регион с климатом, фауной, флорой, также сегодня и территория города с промышленностью, парками и т.д.).

Этот экологический процесс гарантирует:

- то, что при эволюционно-нейробиологических ‘чувствительных фазах’ (ползании, движении, лазании и т.д.) соответствующие экологические образцы действия уже готовы, для них в ‘эволюционной экологизации’ закладывались программы действия людей (affordances, Гибсон), так возникает хорошая регуляция организм-среда

- то, что через множественные экологические стимуляции в ‘первоначальном экологическом учении’ как восприятие – обобщение – действие – опыт (Wahrnehmungs-Verarbeitungs-Handlungs-Erfahrungen) (perception-processing-action-cycles), формируются компетенции и перформансы, которые необходимы для индивидуального и коллективного обращения с жизненным пространством, для предотвращения потенциальных опасностей и для своего использования природных ресурсов по законам экологии

- в ‘вторичном и третичном экологическом учении’ гуманные популяции, которые являются частью экологии, обеспечиваются представлением об уровне экологической осведомленности своих членов для адекватного общения с релевантными эко-системами (Копец 2016).

Процесс экологизации находится под угрозой, если из-за дисфункциональных факторов в рамках человек-окружающая среда/, окружающая среда-человек регуляция сохранения или оптимизации ориентированного на развитие экологического самоуправления как динамической регулятивной системы человек- окружающая среда нарушается или предотвращается. Далее, если процессы социализации в гуманных популяциях и их социальных системах не соответствуют существующим условиям или нуждам экосистем и процессам экологизации, значит никакая социо-экологическая регуляция через вторичное, третичное ‘экологическое учение’ не может состояться, что, к сожалению, в современной всемирной ситуации неоднократно имеет место и сопровождается часто катастрофическими последствиями. Для отношения человек-природа, соответствующая инкультурация (Enkulturation), социализация и экологизация являются сегодня знаниями, необходимыми для выживания (Петцольд, Орт1999б; Петцольд 2006п).

Поддержать эти усилия могут такие программы как ‘convivencialidad’ Ивана Иллиха (1975), ‘cuidado’, (экологической защиты) Леонардо Боффа (2002а, б) или

„konvivialen Zeugehörigkeit“ (конвивиальной принадлежности) (Петцольд 1988 т.; Орт 2010), которые способствуют преодолению хиатуса (разрыва, рассогласования) между эксцентричной внешней перспективой и внутренней центрированной перспективой. Интеграция наших стремлений к эксцентрицитету при использовании огромных ресурсов, например, в исследовании космического пространства, в соответствии с экологической всемирной ситуацией, — это задачи, которые надо решать гораздо активнее, чем до сих пор, например, при защите океанов, пресной воды, тропических лесов и т.д. — Это будет решающим для существования хомо сапиенса сапенс и сохранения нашей современной планетной экосистемы. Это во много раз больше, чем только «окружающая среда» (ср. Петцольд 2006р: 27).

4.1 Конвивиализм – о трудном пути к „искусству совместной жизни“

Конвивиалитет (convivencialidad) имеет у Ивана Иллиха (1974), социально-политическое и социально-этическое значение и указывает на необходимую для жизни взаимосвязь людей в этом мире.

Актуальное обсуждение темы «convivialité» в рамках коллоквиума «De la convivialité. Dialogues sur la Société conviviale à venir» произошло в Японии в 2010 году, затем появился «минимальный консенсус» шестидесяти международных, мультидисциплинарных ученых, «Convivialistes» (Адлофф, Леггеви 2014), усилия которых оказались сосредоточены на человеческом взаимодействии и решении «политического вопроса», что, к сожалению, так часто игнорируется в психотерапии. Также экология, в значительной степени игнорируемая в психотерапии, появляется в этом дискурсе (глава IV):

Основной причиной нынешних мировых проблем «Convivialistes» считают примат утилитарной, ориентированной на собственную пользу мысли и действия и безусловной веры в единственно благословенную цель — это достижение экономического роста. Они противопоставляют этим рассуждениями о «хорошей жизни» требование заступаться за права человека, права женщин, за людей труда и за детей, они выступают за справедливую торговлю и разнообразные формы «взаимопомощи». См. работы Кропоткина (1902/2002) (Петцольд, Шоберт, Шульд 1991). Люди должны прийти к «искусству совместной жизни» (лат. Convivere), „которое ценит взаимосвязи и сотрудничество и позволяет людям решать свои конфликты и противоречия без взаимного массового убийства, одновременно с этим нести заботу друг о друге и о природе « — так «Convivialistes» (Адольфф, Леггеви 2014: 47).

Спорные дискурсы, так как на них обсуждаются реальные угрозы жизни, например, изменение климата, массовая безработица, конфликтующее восприятие ценностей, — неизбежны, они требуют культуры «конструктивного сомнения», «уважительных дебатов» и «дальнейшей критики» (Петцольд 2014е), над этим надо

работать — это трудное дело! С участием многих ученых, мы разработали модель, «корреспонденции», «встречи и столкновения» на уровне глаз, в «Полилогах» (то же 2005ü). Это модель дискурса, подходящая для решения названных проблем, для регуляции консенсуального-диссенсуального договора, для сотрудничества и определения общих ценностей и пр. (то же 1978с/ 1991е), модель, которая опирается на „трансверсальный разум“, включает его в себя, а не исключает (Вельш 1996; Петцольд, Орт, Зипер 2014е) и ориентирована на мелиорацию мировых отношений и социальных ситуаций. Предпосылкой тому является готовность разговаривать друг с другом, а это не всегда удается. Слишком часто кредит доверия оказывается проигранным. Преступления колониализма и империализма, тяжелые по своей сути, совершаются и до сегодняшнего дня очень часто в Африке (Анспергер 1981, Барт 2007; Остерхаммель 2007). Открытые войны и эксплуатация третьего мира даже в настоящее время, культурный империализм западных великих демократий, несправедливое отношение к различным государствам на Ближнем Востоке, израильско-палестинская проблема ... Как можно ожидать при этом доверия? Поэтому нужны многочисленные меры по укреплению доверия. При мегапроблемах, таких как гигантский разрыв между самыми бедными и самыми богатыми, одного «Разговора» недостаточно. Нам нужно поделить ресурсы, чтобы вообще можно было начать говорить. В несчастье, нужде и крайней нищете мы нуждаемся в помощи. Но она часто отсутствует или недостаточна (как обычно).

В этих чрезвычайных трудных жизненных обстоятельствах находятся существенные причины для вооруженных конфликтов, борьбы всех против всех, терроризма (Крюгер 2007), дальнейшего обнищания. К нарушителям принадлежат эксплуататоры всех видов, в том числе и глобальная организованная преступность, налоговой парадиз и спекулятивные крупные финансовые операции, которые надо учитывать (Les Convivialistes, Адлофф, Леггеви 2014), не в последнюю очередь также эгоизм богатых стран, хищнический разрушающих окружающую среду и жизненный мир, остающихся пассивными, не оказывающих никакой помощи там, где необходимо действовать.

Это причины, которые мы рассматриваем как формы злоупотребления властью, и выступаем против них, если страны остаются националистическо-эго-центрированными, если демократия становится слабой, и ослабляется неконтролируемой, вне «синархического закона» властью (Петцольд 1978с / 1992а: 60ф; 2003а: 120фф, 410фф), а также имеет место господство хищнических групп, преследующих только свои интересы. Там, где такая обстановка видна и на основании твердых политических позиций и научно-теоретического анализа (то же 2009д) доказана, граждане должны проснуться и вмешаться, «войти между» (Лайтнер, Петцольд 2010)! с «Повесткой дня на XXI век в Рио в 1991 году» Можно и нужно оказывать всемирную помощь в устойчивом

развитии совместного мышления и в управлении экономикой, экологией и социальной сферой. Повестка дня на XXI век была только медленным началом процесса, в котором справедливо усилили критику, что эта повестка дня поддерживает «идеологию роста» (Бергштет 1999). Исходя от новаторского исследования Медоуза (и др 1972), «Пределы роста» по заказу «Римского клуба» и финансируемого Фондом Фольксваген с огромной следующей дискуссией (Берней, Гобаль 2000; Фотопулес 2003; Медоуз и др. 2006, и т.д., и т.д.) вплоть до „Already beyond? 40 Years, Limits to Growth“ (Кремер и др 2012) становится все более очевидно: только рост не может принести решения. Йорген Рандерс (2012) показывает это убедительно в „2052: A Global Forecast for the Next Forty Years“. Это не только ограниченные ресурсы всей земли, это также тот факт, что глобальная экосистема достигает своего предела.

«Конвивиалисты» требуют, ссылаясь на Повестку дня для XXI века, быстрого введения минимального и максимального дохода, чтобы устранить всемирное социальное неравенство, которое предотвращает развитие и ускоряет деградацию и загрязнение окружающей среды, чрезмерное использование ресурсов и хищническую их эксплуатацию.

Ультра-консервативные республиканские круги „Tea party movement“ видят в Повестках дня на XXI век «conspiracy by the United Nations deprive individuals of property rights» – Да, „pursuit of happiness“ (значит „American Dream“ для немногих)! Люди не понимают, что в конечном счете «property» и даже огромное имущество не принесет пользу, если загрязнение воздуха сойдет с рельсов.

Они, может быть, задохнутся чуть позже чем бедные – это следствие экономического неравенства, но и они не смогут избежать этой катастрофы. В «Декларации независимости» «равенство» было утверждено (первоначально, однако, не для женщин, рабов и свободных чернокожих) и до сих пор утверждается „Life, Liberty and the pursuit of Happiness“.

Но в ней отсутствовали понятия „достоинство“ и „братство“, даже до сегодняшнего дня, несмотря на то, что в первой статье „Декларации Прав Человека Объединенных Наций“ их можно найти. Почему нет никаких улучшений? Дефицит равенства в США огромен и растет экспоненциально (Хекман, Квегер 2004; Джонсон 2006), при этом равенство имеет ключевое значение в решении многих проблем (Вилкинсон, Пикетт 2010). Это не социальная роскошь.

Согласно последнему отчету Оксфам по бедности с 2015 г, один процент богатого мирного населения имеет больше капитала, чем 99 процентов остальных людей. Согласно исследованию ОЭСР десять процентов богатейших людей в Германии распоряжаются более чем 60 процентами всего состояния. Мы, как конвивиалисты требуем изобрести «новый образ жизни для защиты окружающей среды и природных ресурсов», имеем обязательство, „ликвидировать безработицу» (Les

Convivialistes, Адлофф, Легтеви 2014. 75 с.), особенно безработицу среди молодежи (Харц, Петцольд 2015). В конечном счете все это необходимо, чтобы двигать вперед глобальные проблемы (Бергштет 1999 Уилкинсона, Пикетт 2010), поэтому Впереди Очень, Очень много работы нас всех.

„Люди – Работники», „помогающих профессий», я их так называю в традиции Бурдые, так как у них есть особая ответственность и „попечительная функция“ (Петцольд, Орт, Зипер 2014А: 624; Зипер, Петцольд 2001с), задача непосредственно воспринимать, что делают с людьми бедность, нищета, страдание. Если они думают не только экономически (Вагнер, Вайцман 2016), они видят и понимают, сколько негатива нам приносит потеря потенциалов, радикализация, жестокая воинственность, терроризм (Крюгер 2007), сколько это стоит человеческих жизней, уничтожения природы, уничтожения культурных ценностей (Бамаианские статуи Будды, эвент. Пальмира) и материальных товаров (ключевое слово ИГИЛ, Кокберна 2015; Ройтер 2015).

При этом нам немедленно нужны эти ресурсы для спасения людей, природы и культуры, а не для ускорения роста мега-фортуны в гига-имуществе. Демократия терпит неудачу, а мы, по мнению Колин Крауч (2008), политически в плохом настроении дрейфуем в сторону „пост-демократии“.

Одно очень почитаемое и уже известное исследование „элитного Принстонского университета» приходит через анализ комплексных материалов и сравнения моделей к выводу, что политические решения в Соединенных Штатах принимаются в интересах малых элит, а не в пользу граждан (Гиленс, страница 2014), таким образом, уже вслух говорится об „олигархии в Америке» (Хансен 2014, DIE ZEIT).

Америка больше не является демократией (Шутхов 2014, Huffington Post). Исследователи приходят к следующему выводу: «В Соединенных Штатах управляет не большинство, по крайней мере, не в том смысле, в котором существует причинно-следственная связь между желаниями населения и законом. Как только большинство не соглашается с экономическими элитами или организованными группами, то проигрывает большинство» (Гиленс, стр 2014: 576).

4.2. Реализация обоснованного конвивиализма — программа как выжить

В интегративной терапии возможно, опираясь на традиции и познание Мерло-Понти (1990) о издавна существующей „базальной конвивиальности., (chair du monde) расширить термин конвивиальности на всю природу с принятием „Аксиомы о сосуществовании“ (Петцольд 2003а: 116) всех живых существ: „быть — значит быть вместе» (Sein ist Mit-Sein) (Петцольд 1978с, 1. Аксиома). Это не только содержательное философское положение, но и биологическая реальность.

Когда мы рефлектируем и сознательно решаем жить в этой реальности в соответствии с тем, что «приятно для жизни», в «комплексной осознанности» и в «Caring for Nature» в биосфере, тогда мы говорим об «обоснованном конвивиализме», на основании которого невозможно калечить природу, так как мы этот ущерб почувствуем „на нашей собственной плоти».

Несвязанность и изоляция, запущенность (neglect), уничтожение связей создает „множественную отчужденность» (multiple Entfremdung), вследствие того — расстройств и болезни (то же 2003а: 452ф), а в природе — разрушение жизненного пространства и исчезновение видов.

В целой мирской экологии все бытие означает «быть вместе» (co-esse), вся жизнь имеет место как «сосуществование». В конвивиальном пространстве этого мира все зависит друг от друга: пищевые цепи, климатические зоны, растягивающиеся вокруг земли зоны вегетации, например, бореальные леса, морские экосистемы с их глобальным вещественным циклом и их биологическим, важным для земной атмосферы, генератором кислорода (цианобактерии), а также важными для пищевой цепи, производящими белки животными (наиболее значимый и находящийся под огромной угрозой источник человеческого питания).

Эти жизненно важные взаимозависимости базальной конвивиальности нужно понять. Это следует повторить: необходимо принять сознательное решение, чтобы захотеть вести себя в соответствии с этими условиями (Петцольд, Зипер 2008а) и преобразовать их в „обоснованный конвивиализм». Это приводит часто к новой жизненной практике, к „согласному с природой стилю жизни», который надо отрешиться от и который требует устойчивых изменений, за исключением случаев, когда этот образ жизни уже передан и пережит на опыте в первичной (primären) инкультурации, социализации и экологизации (Петцольд 2006п, 2012а). Поэтому родители должны трудиться, эко-сознательные объединения должны стремиться такой стиль обобщать и в „коллективных ментальных представлениях» (Петцольд 2012А Московичи 2001) по возможности больше людей „закрепить в нем якорем».

Это необходимо для того, чтобы «эксцентрицитет» сапиенс-гоминидов, хотящих завоевать пространство, эту «центральность» в жизненном мире, в природе этой планеты утерять, а именно: тривиальное знание, что мы не одни живем на этой планете и это есть знание позднего модерна: мы не можем жить без этой «другой жизни» в этом мире!

Гибель биосферы это также и наша смерть, разрушение локальных и глобальных экосистем это также наше саморазрушение. Межличностный конвивиализм, в своем огромном значении, базируется на совместном существовании всех жизненных форм и поэтому, выходя за «человеческий фактор», он может дальше пониматься и реализовываться через экософийскую человеческую жизненную форму „обоснованного и обобщенного конви-

виализма со всеми живыми существами». Его руководящий принцип „комплексного внимания» к целостности жизни, активность в рамках „Carings for Nature», „конвивиальной экологии» на практике будут решать вопрос о будущем этой планеты.

4.3 Конвивиализм и непосредственная близость — это союз против исключения и отчужденности

Иван Иллих (1973/1975) понимал „Конвивиализм как [...] противоположность промышленной продуктивности... Переход от продуктивности к конвивиализму значил постановку этической ценности на место технической ценности, реализованной ценности на место материализованной ценности». Эти ценности, разработанные нами в Интегративной Терапии как „теория основного со-бытия (Mit-Seins) как Конвивиализм» (Орт 2002; Петцольд 1978; 2003а: 904) как обобщенная между-человечность или со-человечность и дружелюбие.

Конвивиализм это термин, определяющий „социальный климат» обоюдной взаимности, оказания помощи и лояльности, активного обязательства и Commitments для добра и благополучия другого, для того, чтобы все «жители», «гости» или «соседи» „конвивиального пространства» чувствовали надежную и достоверную поддержку, так как возникают аффилиации, т.е. социальные отношения или связи близкого характера и совместный „social world» с разделенными „социальными представлениями», делающими возможным „exchange learning/exchange helping» (Петцольд, Орт, Зипер 2014а: 594).

Эта аксиома co-esse также утверждает: речь идет не о «пра-супе», недифференцируемом «про-слизе», которых никогда, пожалуй, и не было (Раухфус 2005), даже если доступны решающие биологические энергетические процессы (аденосин трифосфат triphosphate [АТФ], life's primary currency of metabolic energy, ср. Мартин и друг 2014), а речь идет о „дифференцированном» бытии (Sein), о „единстве в разнообразии», о „множестве в тесной связи». Эволюционный основной закон звучит так: „Разнообразие форм, связанных единством жизни» (Петцольд 1986х). На этой „зеленой» планете мы все — от прокариот без клеточного ядра, архей, бактерий, эукариот, т.е. существ, клетки которых содержат ядро, вплоть до наивысших жизненных форм, гоминиды — на „филогенетическом дереве» с его тремя областями (Карл Вэзе и др. 1990) связаны с „жизнью», в которой есть множество неразгаданных тайн. В клетках растений и животных, в наших клетках, — согласно теории о эндосимбионтах (Endosymbiontentheorie) (Маргулис 1999), — прокариоты, как клеточные органеллы (Zellorganellen) (митохондрия, пластиды), продолжают жить даже дольше, так как прокариотные предшествующие организмы вступили в симбиоз (Томпсон и др. 2012).

С гипотезой множественного единства (multiple unity) можно выходить на важнейшие феноменологические категории для биологического, экологического и для со-

циального: конfluэнция/неразделенность (Konfluenz/Unabgegrenztheit), сближение границ (Angrenzung), разграничение (Abgrenzung), исключение (Ausgrenzung), ограничение (Eingrenzung). Жизненные процессы в биологической природе, но также и в социальной природе, преимущественно происходят в сфере „сближения границ“ (Angrenzung). При сосуществовании между людьми, на чем я здесь хочу ограничиться, речь идет, главным образом о формах „реляционности сближения“ (Relationalität der Angrenzung), т.е. о „контакте, встрече и отношении“ (Петцольд 2003а, т. III: 781 и далее), об „обсуждении позиций и границ“, которое, в то же время, в циркулярных процессах одновременно обосновывает и предполагает суверенитет (Петцольд, Орт 2014): в партнерских отношениях, дружеских отношениях и любовных связях, в отношении с детьми (суверенитет которых укрепляется вследствие этого), в педагогических и терапевтических отношениях.

При этом переговорные дистанцирования (на время) возможны. Но исключения из контакта (Abgrenzungen) надо безусловно избегать, так как они создают высокий „аффилиационный стресс“, могут действовать травматически (Петцольд, Мюллер 2007). По этике глобализованно общепринятых человеческих прав, никого нельзя исключать из общественных отношений (в местах заключения опасные преступники переживают «ограничение» (Eingrenzung) для защиты общества, но они остаются в пространстве, упорядоченном основными правами Коллектива).

Эта „феноменология границы“ имеет также клиническую релевантность. Во многих программах бордерлайн-терапии имеется одностороннее центрирование на «отделении» (Abgrenzung), но как люди с БПС, которые, кроме всего прочего, травмированы опытом отделения и исключения, имеют проблемы в „обращении с границами“, но могут этому обращению учиться и в трудоемкой работе „выторговать себе границу“. Эта в терапии и педагогике, к сожалению, доминирующая парадигма в своей доминантности и односторонности часто просто вредна, повторяя травму отделенности и исключения, она явно ошибочна. БПС-терапия нуждается в гуманной, сокращающей дистанцию работе, которая „интериоризирует“ и которой надо учиться. (Грюндерсон, Линкс 2015; Петцольд 2012е).

4.4. Эко-психосоматика – интегративная концепция

Всюду, где в живом – и это всегда «жизненная связь» – имеют место исключения или скрытые отделения, жизнь находится под угрозой, так как это реализованный земной конвивиализм, который происходит в „сближении“ (Angrenzungen). Это относится к жизни в лесу и поле, в реках и морях, также и к совместной жизни людей (Петцольд 2012с). Быть отрезанным или исключенным — это состояние создает для людей крайнюю нагрузку и ведет к „аффиному стрессу“ (Петцольд,

Мюллер 2005/2005), который очень часто появляется в психосоматических реакциях. Они такие же сильные, как и реакции на агрессивные угрозы врагов. Так как эти влияния возникают из социо-экологического контекста человека, именно человека надо всегда иметь в виду для понимания данных феноменов, поэтому мы и говорим об «эко-психосоматике».

Эко-психосоматика – это концепция „экологического учения о болезни и здоровье“, которая основывается на переплетении информированного тела с информирующей окружающей средой и при адекватной экологической стимуляции (стимул) и удовлетворении потребностей (сохранение жизни), при хорошей адаптации гарантируются оптимальные условия для человеческого развития и ведения жизни. Напротив, при плохой адаптации через дисфункциональную стимуляцию окружающей среды (травматическая перегрузка, конфликтные стимуляции и т.п.) дефицит или недостаточное снабжение, через „экологический стресс“ возникает риск патогенных изменений. Поэтому эко-психосоматические интервенции в своих превентивных влияниях должны через экологические ресурсы, хорошую адаптацию и лечебную практику привести в готовность недостающих ресурсы, изменить дисфункциональные адаптации и лечить вызванные ими расстройства (Петцольд, Орт 1998б).

Другим основанием ввести это понятие была «дилемма психосоматики». Психосоматическая медицина, которая в реальности есть дисциплинарный источник эко-психосоматики, предприняла попытку преодолеть дуализм души и тела.

Тем не менее, она продолжала писать от своего имени о нем, как о сублично подразумеваемом дуализме. Но это не согласовалось с нашим „био-психо-социо-экологическим“ подходом (Петцольд 1965: 2), так как никакое живое существо не может абстрагироваться от своего контекста/континуума.

Поэтому я хотел посредством «эко-измерения» интегрировать всемирное отношение и преодолеть таким образом дуалистские импликации, причем я включил социальное в экологическое, чтобы избежать словарного монстра как „эко-психо-социо-соматика“. Экологическая перспектива в социальной экологии (Бронфенбреннер, Левин и т.п.) оправдывает это, так как и биологическая экология (Й. фон Икскуль, Хельпах, Вернадский, Маргулис и т.п.) через принципиальную принадлежность человека к миру (его экологичитет) приобщает социальное, которое снова и снова так массивно воздействует на соматическое.

Эко-психосоматика примыкает к „Интегрированной теории стресса“ и патогенной, и салютогенной стимуляции (Петцольд 2003а: 78, 846), а также к программе острого или хронического чрезмерного перенапряжения, которое я сначала исследовал в рабоче-психологическом контексте (Петцольд 1968б), а затем смог подтвердить это во многих других контекстах (Петцольд, ван Вийнен 2010). Она вполне согласована с экологической теорией стресса Хобфолля (1988). В интегративном

подходе через наше направление к терапии тела и терапии движением (Leib- und Bewegungstherapie) (Петцольд 1974й) и через работу интегративного ортопедического врача по психосоматике и психотерапии Хилдегунд Хейнл (1986, 1997) все поколения основателей интегративной терапии всегда проявляли большой интерес к психосоматике в области клинической терапии, к укреплению здоровья и самопомощи (Петцольд, Шоберт 1991), в которые всегда включался экологический компонент.

Лайтнер и Зипер (2008) подчеркивают со ссылкой на Лурию (1970) и Петцольда, Михайлову (2008б): „Понятие психосоматики является очень широким, так что всегда социокультурные моменты (например, этническая группа, гендер, возраст, слой) или, где релевантно, экологические моменты (микро- и мезо-среда) приобщаются для понимания расстройства, которые могут рассматриваться как имеющие „характер синдромов“ „дисрегулированные функциональные системы“.

Это требовало бы „четырёх доступов обращения“:

- „1. Экологические/контекстуальные причины — экологические мероприятия (environmental modelling);
2. Соматические/биологические причины — сомато- или тело-терапевтические (Leibtherapeutische) мероприятия;
3. Психологические причины — психотерапевтические и консультационные мероприятия...;
4. Социокультурные причины — социо-терапевтические и сетевые-терапевтические, консультационные мероприятия“ (Лайтнер, Зипер 2008).

Понятие «Эко-психосоматика» было введено в 1970ые годы Хиларионом Петцольдом (2006п) в области психотерапии и терапии тела, с намерением преодолеть психосоматический дуализм и разработать „Интегративную терапию“, которая рассматривает „человека в целом“, в его жизненном мире. А именно: необходимо заниматься биологическо-соматической основой человека (например, дыхательной терапией и терапией движением, питанием, принятием лекарства) и нужно заниматься его психическими расстройствами (через сфокусированные на эмоциях терапевтические методы).

Интегративная терапия, естественно, охватывает также когнитивные/умственные потребности (психодукация, медитация и т.д.). Сюда входит и обработка социальных проблем (семейная терапия и системная терапия), а также и улучшение экологической реальности (с помощью самотерапии, ландшафтной терапии, зоотерапии).

Так, представляется необходимой для лечения комплексных расстройств „связь мероприятий“ (Петцольд 2014). Это было уже ясно представлено в идеях русской нейро-психологической и культурно-исторической школы (Лев Выготский, Александр Лурия и т.п.) в период 1930-х/1920-х годов, идеях о том, что человек всегда есть одновременно биологический организм, социальное существо и часть экологии и только таким образом, диффе-

ренцированно и в целом, может пониматься и лечиться. Зигрун Пройс (1995) представляла свою позицию с точки зрения эко-психосоматики на тему: «Загрязнения окружающей среды — человек — вызванные этими загрязнениями его вегетативные жалобы». Но это только один аспект, хотя очень важный.

Биологи, нейро-биологи, биопсихологи и биомедики (как Антонио Дамазио, Йозеф Этгер, Джеральд Хютер и др.) начали исследовать биологическо-органическую основу жизненных процессов человека и изучать отношение: человек — окружающая среда. Эта тема, которую вновь подхватил и Клеменс Арвай (2015) во вполне доступном представлении для более широкой читательской аудитории.

«Эко-психосоматика» — это программа, которая должна быть разработана междисциплинарно с ориентировкой на здоровье человека, но также и для вопроса здоровья природы она будет иметь кардинальное значение, а именно: в конкретной работе „caring for people“ и конкретной работе „caring for nature“.

При этом современные «био-психо-социальные» модели (Этгер 2015) или «био-психо-социо-экологический» подход „новых природных терапий“ (Петцольд 2015) и „Green Care“ получают центральное место.

Эко-психосоматика исследует положительные, конструктивные и негативные, вредные воздействия микро-, мезо- и макроконтэкстов (жилое и рабочее пространство, дом и клиника, жилье, город, ландшафты), учитывая специфику возраста человека и самого человека, во всех его измерениях: тело, душа, разум, социальная сеть, экологическая интеграция.

Цель — найти отягчающие воздействия (шум, жара, влажность, вредные вещества, стеснение, уродливые качества, раздражающие объекты), чтобы обеспечить их изменение. Они могут влечь за собой по причине „экологического стресса“ психические, психосоматические и соматические расстройства или заболевания“ (отрицательная стимуляция от контекста), который усиливается часто еще проблематичными социальными отношениями (социальные горячие точки, трудности, стесненные жилищные обстоятельства и т.д.). С другой стороны, светлое, дружеское, экологически здоровое и прекрасное окружение имеет восстанавливающий релаксирующий, уменьшающий стресс характер и содействует повышению „экологически салютогенной стимуляции“ (Петцольд 1990г).

Это определение было введено в социально геронтологическом контексте, но им можно пользоваться в любой другой области, хотя бы в работе с детьми (то же 1995а, б) или с подростками (2007д).

В развитие эко-психосоматики и ее новых терапевтических форм и методов, например, опыт ландшафта, переживание леса, терапевтическое движение, мультисенсорный природный опыт, садовая терапия (Петцольд, Орт 1998б, 2004б, ван дер Мей, Петцольд, Боше 1997), надо, конечно, проделать еще много работы, но она того стоит.

5. Green Care – Health Care – Eco Care

Вернадский (1926, 2012) уже осознал принцип целостности биосферы, а именно: взаимные зависимости в ее совокупной системе, опасность в том, что, если даже самая маленькая часть погибнет, обрушится вся система. Современные экологические науки подтверждают этот факт. Поэтому развитый нами и выше сформулированный принцип „обоснованного и обобщенного конвивиализма“ есть на самом деле жизненное правило и принцип существования (Петцольд, Орт-Петцольд, Орт 2013). Экологические движения должны руководствоваться этим принципом.

Эта программа GREEN CARE возникла в контексте международных движений „Care Farming“ (Хайн и др 2008), „Farming for Health“ (Хассинк, ван Дийк 2006), „Новых природных терапий“ (Петцольд 2013 г, 2014х): садовой-, ландшафтной-, лесной-, зоо- и водной терапии. Развитию этого движения способствовала особенно ЕС инициатива COST (European Cooperation in Science and Technology) для связи и координации поддерживаемых национально научных исследований на международном уровне. По программе в рамках „Domäne Food and Agriculture“ („Cost Action 866“, в период с 28 августа 2006 по 31 августа 2010) идея CARE GREEN получила свое специфическое развитие (Визингер 2011), так как она сконцентрирована на „положительных и поддерживающих феноменах природы“, которые „сохраняют и даже приумножают здоровье, благополучие и качество жизни людей“. При этом „цель сохранения и укрепления физических, психических, педагогических и социальных ресурсов природы [...]“ (там же) должна быть четко представлена.

В этой, чрезвычайно важной, но явно односторонней праксеологической и прагматической ориентации, GREEN Care представляется только в качестве Health Care, но этого, естественно недостаточно. GREEN Care расширяет свое влияние в терапевтическом подходе, реализует основные антропологические и природно-теоретические положения GREEN CARE и „Nature Therapies“, (Мерло-Понти 1995; Московичи 1994, 2002; Петцольд 2006п, 2012, 2013).

Немецкая статья в Википедии о Green Care разъяснила этот факт в своей версии с 2014 абсолютно ясно, так как она представляла исключительно сфокусированные на человека, ориентированные на health care целевые установки, и отодвигала на задний план „Caring for Nature“, „ECO CARE“ (сейчас уже эти дополнения сделаны). Такое редуцированное понимание Green Care явно недостаточно. Поэтому в движении CARE GREEN вся активность должна центрироваться также вокруг „ecological caring“, вокруг «Caring for Nature», так как человек — это часть природы. Необходимо в дальнейшем с заботой и вниманием относиться к экологическим Careings на микроуровнях ведения собственного экологического домашнего хозяйства, в частном бюджете (Вебер 2016); на мезоуровнях общественного экологического

сознания с соответствующей общественной бюджетной практикой; на макроуровнях глобальной экологической политики с международными соглашениями, договорами и их реализацией.

GREEN CARE принимает активное участие в инициативах и мероприятиях, реализующих на базе междисциплинарного и транс-дисциплинарного фундаментального- и прикладного исследования ответственную и дальноразрешающую локальную и глобальную экологическую политику. GREEN CARE направлена на предотвращение последствий отмирания биосферы (это всегда также и последствия для жизни человека), а далее она на всех уровнях противодействует, вызванному, прежде всего, деятельностью человека, драматическому развитию отмирания планетарного биоразнообразия (Перейра и др 2012), усиливающемуся потеплению Земли (Латиф 2012), антропогенному разрушению нашей глобальной экологии (Лавлок 2009, 2014), так как в „экологическом кризисе“ (Лыр 2013) время бежит от нас!

При расширенном понимании Green Care и его практической реализации на основе всеобъемлющего, меж- и транс-дисциплинарного, эколого-научного подхода (Льюис, Маслин 2015) вступают в действие эко-политические инициативы, природно-педагогические мероприятия из экологического образования, out door педагогики и поддержки здоровья. Кроме того, очевидно, что во всем мире разрабатываются проекты „экологического искусства“ с целью, чтобы активизировать людей, указать им творческие дороги, чтобы столкнуться с экологической трагедией и поддержать „конвивиальную экологию“.

„Новые природные терапии“ в таких направлениях как садовая терапия, лес, ландшафтная терапия, водная и зоотерапия используют целительные силы природы, но в то же время они и сенсibiliзируют нас к уязвимости природы и действуют эко-терапевтически в двух направлениях:

- Вести здоровый образ жизни, учитывая собственную природу и
- обеспечивать экологически сознательный образ жизни, активно заботясь об оптимальном для здоровья качестве наших био- и эко-систем.

В контексте современного терапевтического образования „третьей волны“, а именно: интегративной и биохевиоральной терапий, которые ориентированы на внимание и активизацию переживания (Эггер 2015; Хайденрайх, Михалак 2004, 2013; Петцольд, Мосер, Орт 2012; то же 2013г), это природно-терапевтическое направление присоединяется как „связка мероприятий“, которая должна вступать в действие при лечении комплексных и хронических расстройств (например, БПС, Гундерсон, Линкс 2014; глубокой депрессии, Петцольд 2014х) при изменении „дисфункционального образа жизни“. Во всех этих мероприятиях стратегии CARE GREEN направлены на то, чтобы представлять людям „Empowerment“ для здорового, соответствующего природе и любящего природу образа жизни.

6. «Манифест GREEN CARE»

Этот текст — это манифест для молодого, жизненного и экологически необходимого движения GREEN CARE, которое развивает свои идеи во многих областях, а также ищет своей реализации в новых сферах.

Манифест как „проект в развитии“ служит общему желанию сохранять природу, он содействует поддержке здоровья людей, животных, эко-систем и приводит природу и культуру в согласие. Этот проект развивается в среде политической экологии (Московичи 1972, 2002; Латур 2001, 2015; Петцольд, Орт-Петцольд, Орт 2013).

Ниже несколько узловых пунктов Green Care проекта:

- GREEN CARE разрабатывает психосоциальные интервенционные программы, как, например, превентивные проекты, поддержку здоровья, природную диетику, Health Enrichment.

Она предоставляет также широкие возможности для отдыха, например, в Turismo Rural, в sustainable Ecotourism, агротуризме и т.д., а также предлагаются экологические и природно-педагогические мероприятия для развития сенсбилизации в рамках обоснованного, конвивиального соотношения Человек-Природа-Культура на базе природных ландшафтных проектов, в парках, садах, через интересные события, природные или Heritage-интерпретации, через художественную активность (как Landscape Arts, environmental art, экологическое искусство) или в рамках социального сельского хозяйства или Care Farming в экологических, биологических крестьянских усадьбах и т.д.

Цель при этом не только полезный опыт для людей и гуманное животноводство, но задача и в том, как передать „природно-эстетическое переживание“ в дикой местности и культурном ландшафте, научить экософийскому обращению с жизненными пространствами, био- и экотопам с помощью „комплексного внимания“ и „обоснованной конвивиальности“. GREEN CARE стоит на фундаменте „любви к природе“, „радости общения с живым“, „почтения перед жизнью“, „экософий“, мудрого обращения с природой, которое ведет согласно „экологическому императиву“ непосредственно к „Caring для жизни“, к „активному выступлению“ за находящуюся под угрозой или уже поврежденную природу.

Это поддерживается результатами интер- и трансдисциплинарных „life sciences“, т.е. „биологического, экологического и гуманно-научного исследования“, но также и критическими исследованиями экономических и экономически-политических интересов, планирования и множественных потенциалов риска. Все эти знания используются в образовательных мероприятиях и проектах CARE GREEN и реализуются в действиях, через общественную работу, эко-политические инициативы и конкретные мероприятия, предотвращающие убытки, устраняющие и преследующие экологически амелиоративные цели.

- GREEN CARE приводит к образованию активного природного опыта (путешествие пешком, Outdoor-Activity, Green Power Training и т.д.) или рецептивного природного переживания (наблюдение природы, Green Exercises, Green Meditation) с тем, чтобы поддерживать здоровье, хорошее самочувствие, витальность и жизненное счастье людей.

С этой целью создаются для населения, с учетом гендерных различий женщин и мужчин, а также с учетом разницы между поколениями „в промежутке жизни“ для старых и молодых людей превентивные и рекреативные рекомендации для снятия стресса, обеспечению разрядки, отдыха, бодрости, повышению активности и креативности.

Далее предоставляются ко-творческие поля действия „в, с и через природу“ с тем, чтобы решать проблемы или разрабатывать ресурсы и развивать потенциалы (PRP-Perspective).

Это одновременно проекты для людей и для природы, так как и то, и другое неотъемлемо связано друг с другом. Это снова и снова проекты для других живых существ, для деревьев, растений, животных, например, через защитные зоны, охрану видов, гуманное животноводство и т.д.

- GREEN CARE охватывает своей „клинико-лечебной и реабилитационной“ целевой установкой гуманно-терапевтические мероприятия, например, в психо-, социо-, спорт-, эрготерапии, в терапии движением и, само собой разумеется, в формах природной терапии: садовой-, ландшафтной-, лесной-, водной-, зоо-терапии.

Они используются в индикационно специфической „связке мероприятий“ для того, чтобы предлагать разгрузку и помощь тем людям, которые находятся под острым или хроническим физическим, душевным, социальным стрессом (посменная работа, моббинг и т.д.), экологической нагрузкой (например, шум, электро-смог).

Они помогают обеспечить для пациентов, охваченных психосоциальными проблемами или страдающих комплексными расстройствами, например, эко-психосоматическими жалобами и хроническими или прогрессирующими заболеваниями, эффективную поддержку и процедурные возможности для изменения дисфункционального образа жизни, который во многих процессах психотерапии недостаточно принимается во внимание. Речь идет о том, чтобы для пациентов и вместе с ними в терапевтических и гуманных отношениях, а также в контактах с животными и растениями, открывать полезные и целительные для здоровья потенциалы природы и пользоваться ими.

- GREEN CARE предлагает также для граждан с „экофильской и эко-политической“ целевой установкой возможность добровольного общественного содействия в решении задач, связанных с ландшафтными и природными проектами, относящимися к природной и био-психо-социальной экологической работе или культурно-критическому ландшафтному искусству.

- На форумах экологической общественной работы и в эко-политических мероприятиях для природы и против ее разрушения ставится задача развития у людей „комплексного внимания“ для согласованного с природой образа жизни, установки „обоснованной конвивиальности“, практики „экофильских Carings“ и „проактивного экологического Empowerment“ для сохранения, защиты, ухода, „спасения находящейся под угрозой природы/экологии“ (salvaging of nature/ecology at risk).

- Слишком многое уже пропало и разрушилось и требует ре-экологизации, повторения строительных проектов, санации и т.д. и многое уже не спасти. Некоторые разрушения уже запланированы (например, фрекинг, проекты оффшорной-добычи), здесь требуется надежная, перспективная охрана природы, основанная на строгих, соответствующих природе законах. Международные соглашения и судебные решения должны влиять на этот процесс, но также требуется и гражданская инициатива с тем, чтобы предотвратить необратимые потери.

- GREEN CARE пользуется природой и ее возможностями для „природного существа — человека“, представляя специфические стратегии для решения проблем (П), для генерации ресурсов (Р), чтобы содействовать целебным, защитным и обеспечивающим стабильность процессам и кроме этого, для открытия потенциалов (П) „health enrichment“ и стимуляции к GREEN CARE Empowerment. ППП Стратегии GREEN CARE служат обогащению здоровья и жизненного ощущения витальности, бодрости и уверенности. „Человеку — культурному существу“, стратегии ППП обеспечивают развитие „личного суверенитета“, „экологического сознания“ и „empowerment for health and nature“.

И то, и другое невозможно отделить друг от друга. Речь идет о том, чтобы развивать сильную и непоколебимую волю к самостоятельному, сознательно здоровому и экологически активному «образу жизни».

Это нужно делать индивидуально и коллективно, регионально и глобально, потому что выступать за жизнь этой «зеленой» планеты и ее биосферы из отношения обоснованного конвивиализма — это есть „proaktives Caring“ для нашей собственной жизни. В условиях глобальной экологической угрозы „Empowerment for Green Care“ — это гражданско-общественная задача масштабного значения.

- GREEN CARE определяется широким „экологическим императивом“: „Поступай таким образом, чтобы в результате твоего действия не возникла угроза биосфере. Будь в своем ‘контекст-сознании’ и ‘комплексном внимании’ бдительным к вредным действиям, которые могли бы угрожать непрерывному состоянию жизни и эко-систем в этом мире. Выступай там, где такое, вредное человеческое действие в неосфере, обнаруживается, и пытайся это предотвратить. ухаживай за природой и храни ее!“ (Petzold 2014)

7. „Комплексное ощущение“ – это руководство к практике как конвивиально жить с окружающим миром

*„Правильная ДОРОГА в мире как реки и ручьи,
В потоках и морях.“
(Лао Тзе, Тао Тê Кинг)*

*„... в себе все голоса предубеждений привести к молчанию,
забыть, забыть, впустить тишину
и быть ее совершенным эхом“ (Поль Сезанн, 1978)*

В 21-ом веке „уже пора“, чтобы люди осознали свою природно-деструктивную жизненную практику и, более того, свой потенциал к радикальному природному разрушению, но также и свое качество живого существа, выраженном в фундаментальном „экологичитете“, т.е. тотальной, неизбежной, специфической для человека связи с природой. Постоянно растущий и в настоящее время весьма обширный человеческий „эксцентрицитет“(специфическая особенность „сапиенс гоминидов» в природе) привел к объективации, к овеществлению природы, которая естественно-научно исследуется, философски рефлектируется, геостратегически полностью планируется и глобальным способом экономически используется или эксплуатируется (например, полезные ископаемые на морском дне или под когда-то вечным льдом и т.д.). Этот доступ к природе через тотальную рациональность „блокирует“ переживаемое восприятие мира, как указал Мерло-Понти (1945, 1964) в своей „радикальной рефлексии“. Бишлагер (2016) разработал это природно-терапевтическое направление недавно в высшей степени релевантным образом. Мы, Иоханна Зипер и я, как основатели „Интегративной терапии“, Ильза Орт присоединилась к нам затем, с восторгом приняли идеи Мерло-Понти, с которыми мы ознакомились в начале 1960-ых годов. Они полностью совпали с нашим собственным семейным опытом экологизации в детстве и юношестве в любящей природу и богатой биологическими и экологическими знаниями семье (Петцольд 2002).

Для нас стало возможным пользоваться этим знанием в работе по Интегративной природной терапии для „комплексного ощущения мира“ и для понимания нашей, с детства уже испытанной, собственной „конвивиальной всемирной принадлежности“, т.е. собственного экологичитета. Глубокие и широкие прозрения в исследованиях французской феноменологии столкнулись с нашими собственными сердечными пожеланиями (Петцольд, Орт, Зипер 2015). Люди должны действовать сегодня, исходя из „сознания своего экологичитета“, быть экологическим существом, действовать, чтобы выйти из своей суицидно-девалюационной динамики, связанной с галопирующим антропогенным разрушением природы (Петцольд 1986), этого требует от нас трансверсальный разум и любовь к живому. Мы определили человека в „антропологической основной формуле“ Интегративной терапии, как „био-психо-социо-экологическое»

существо (biopsychosocioécologique, Петцольд 1965, 3; 2003), которое направлено своей мультисенсорной телесностью (Leiblichkeit) на мир („être-au-monde“), как это выражает Мерло-Понти (1945, 1964) на своем языке (Бишлагер 2016). „Тело человека – это нечто существенно другое, чем организм животного“, – так и Хайдеггер (О. В. 9: 324). Гештальт-терапевты, а также и интегративные гештальт-терапевты, твердо держась понятия организма, не поняли этого (Науснер 1999).

На основе этой „телесности“, т.е. „Тело-Душа-Дух-Мировые отношения“ (Петцольд, Зипер 2012а), мы развили в рамках нашего метода „интегративной терапии“ или иначе „интегративной гуманной терапии“, богатый инструментарий телесно-, креативно-терапевтических и природно-терапевтических методов, выявляющих взаимосвязи „человека с миром“, реализующие их и поддерживающие их. Наш Будо-опыт, наше учение, основанное на работе Э. Гиндлер, а также наша многолетняя медитационная практика были важными источниками, которые обеспечили развитие интегративной терапии движением и реализовали ее в комплексе упражнений (Petzold 1974, Хаусманн, Неддермаер 1996/2011).

7.1. Живые метафоры «тело и язык». Лес как сфера приключения

В интегративном подходе тело и язык неотделимы друг от друга (Орт, Петцольд 2008). Тело проникнуто языком. Оно названо: ухо, глаз, указательный палец, волос и т.д. Телесный субъект выходит в мир и именует его, идет в сад, в лес и поле и дает им определенное имя, тождество, свойственное человеку и для человека. Человек смотрит на вещи и на отношения, он в состоянии, собирая их в язык, сохранить их в памяти и выводить их из памяти в языковую проекцию, которая в „плотных описаниях“ (dichte Beschreibungen) (Райл 1971; Петцольд 2010f) стремится транспортировать то, что приняли мультисенсорный опыт и комплексное ощущение. Это ведет к терминологиям (например, ловчий жаргон или язык охотника), к расширению разговорного языка – „лесной язык“, «язык природы», а далее к таким художественным формам как природная лирика, рассказы о природе, лесная поэзия и т.д. Образуются нарративные формы, метафоры, языковые картины, символы и понятия со значениями (Коротко в 1982; Мальманн в 2010), которые могут становиться чрезвычайно важны в природно-терапевтической работе. Таким образом, например, в интегративном подходе связываются терапевтический природный опыт с возможностями „терапевтической поэзии“ и „нарративной практики“ (Петцольд 2003 г; Петцольд, Орт 1985): Природа описывается, рассказывается и природное переживание сгущается в стихотворениях (ср. Лизер 2015). Это речь, которая трогает, вызывает физический резонанс, метафоры, которые живы или наполняются жизнью. Пауль Рикойр (1985) указал нам дорогу, как делать содержание значе-

ния „ощутимым“, и Херман Шмиц (1990) показал нам, как „собственно телесное чувство“, „комплексное ощущение“ вызывает у людей „взволнованность“ (Орт, Петцольд 2008). И, естественно, возникают снова и снова в „лесу, как в пространстве переживания“, например, при лесных прогулках, „рассказы в пути“ или „разговоры на поляне“ или на „дне источника“, делающих биографические события сообщаемыми. Это биографическая работа в масштабах природы (Петцольд 2013). Мы стимулируем это и создаем для этого контексты. Мы вступаем в „молодой лес“ и используем эвокативную силу понятия: Где я мог бы реализовать бережное обращение с природой, где нахожусь я сам, щадящий природу, как я строю сам по себе бережное обращение с ней? Лесо-терапевтическое лесоведение в качестве примера бережного обращения может стать очень богатым опытом. Другое, наполненное значением место, – это родник. Во многих лесах есть выходы подземных источников. Там можно в Green Meditation „прийти к собственным источникам“, открыть для себе новые источники, пояснить старые и омраченные, и рассказывать о своих собственных – это сильный опыт, который позволяет иссякшим источникам бурлить по-новому. Опыт родника часто „предсказывается“ мною как упражнение для трансфера в повседневную жизнь, как „психологический медикамент“, который при появлении признаков психического утомления освежает и способствует тому, чтобы не доходило до истощения. Идея и практика Пьера Жанета (1919) „médications psychologiques“ дает здесь замечательный пример. „Лес как место переживания“ предлагает много „психологических целебных средств“ (Спонзель 1997), держащихся как мысли или картины воображения, например: величественный красный бук, тихое лесное озеро, которые как „места силы“ (Петцольд 1975м) могут мысленно ставить на якорь, в „ментальной тренировке“ могут упражняться и тогда в кризисных ситуациях, при нагрузках или в состояниях напряженности могут меняться (Петцольд, Зипер 2008а).

7.2 Лесо-терапевтическая праксиология и практика: опушка леса, лесная дорога, поляна

Праксеология – это учение о практике, использующее систематическую рефлексию практики, психоэдукативное пояснение практики, рассматривающее „теорию как интервенцию“ (Орт, Петцольд 2004; Петцольд, Орт 1994).

Лесо-терапевтическая праксиология содержит практические примеры ландшафтного- и лесо-терапевтического обучения людей.

Группа специалистов, повышающих квалификацию, собирается в помещениях „Европейской Академии биопсихо-социального Здоровья“, расположенных непосредственно в лесу, у озера Бевер в „Природном парке Бергшской земли“. Представители социальных профессий и люди, которые прибыли в Академию для про-

должения образования, обычно проявляют интерес к новым возможностям опыта контакта с природой. После теоретического введения и социальной групповой работы они делают первую, ориентированную на переживание природы, экскурсию, „разведывательную прогулку по лесу“ в примыкающем к земельному участку смешанном лесу.

(Инструкции для сопровождающего лесную терапию [ХП] выделены курсивом; примечания следуют из дополнений).

Опушка леса

ХП инструкция :*„Мы стоим сейчас на краю леса. Это такой момент, как перед переходом через ворота или перед перешигиванием порога, мы останавливаемся, осознаем и чувствуем внутри, что мы готовы сейчас вступить в другое пространство: из жизненного пространства лугов и полей — в пространство леса. Мы останавливаемся на «краю» леса, з а д е р ж и в а е м с я. Это значит, что мы даем себе время... из времени гонки, беспокойства или спешки мы соскальзываем в другое качество времени, во время, которое течет медленно:*

В о в р е м я л е с а... Мы здесь останавливаемся и принимаем с медленным, глубоким дыханием аромат леса, так как он ощутим уже на окраине, на лесной опушке. Он приносит другое качество и говорит нам: „Остановись на мгновение! Чувствуй, что ты можешь или хочешь оставить.“

Примечание: В природных терапиях мы используем структурные возможности естественных, местных факторов. К ним принадлежат границы и пороги: опушка леса, обочина дороги, полевая межа, берег, склон, живая изгородь, забор, решетка, барьер, — все это возможности природы в „комплексном ощущении“ узнавать пограничные качества: отделение, исключение, изоляция, но также и примыкание, плоскость соприкосновения, переход, сдерживание, включение, ограждение, — такие качества проявляются в многочисленных сферах жизни.

ХП инструкция:*„Теперь мы попытаемся быть сознательными и выяснить, какое значение для каждого из нас имеет граница, переход, выход за предел. Многие люди больше не обращают внимания на переходы и не могут, таким образом, чувственно воспринять качества новых помещений. Теперь мы войдем в лес... пять или шесть шагов... без какой-либо поспешности, внимательны к тому, что лесная земля нам дает почувствовать, что проникает в наше ухо, для ароматов, которые к нам струятся... Мы останавливаемся и задерживаемся в этом состоянии на какое-то время. Чувствуем, как время становится более просторным... более спокойным...“*

Примечание: Качество начинающегося „замедления“ вступает в сознание. В действительности, время леса это что-то другое, в сравнении с временем город-

ского механизма, временем давления сроков, воров времени, „серых господ временного банка“ (Михаэль Энде), крадущих у людей жизненное время, ускоренное давление (strain), постоянный стресс — это очень серьезная, потенциально патогенная нагрузка. Поэтому особенно важны замедляющие интервенции. Для этого стимулируется воспринимающий, „рецептивный способ восприятия“ вместо того, чтобы побуждать к активному слушанию, чувствованию запаха, ощущению. Обе модальности восприятия „комплексного ощущения“ снова и снова доводятся до сознания в течение „разведывающего лесного посещения“ и объясняются психоэдукационно.

Лесная дорога

ХП: *„Теперь мы входим глубже в лес, спокойно шагая, остаемся на этой ДОРОГЕ, полно сил, но все же идем с легкостью... просто дальше, без определенной цели, отдавая себя ДОРОГЕ. Хайдеггер сказал, „дорога провожает ногу“... Высокие деревья слева и справа дают чувство безопасности, несколько древних великанов вызывают почтение и величие ... мы замедляем шаг, ... позволяем захватить себя этой а т м о с ф е р е ...“*

Примечание: Лесной отдых, лесная тишина создают сжатые атмосферы как „захватывающие чувствительные власти, которые излиты без оправы в пространство,“ — это знаменитая дефиниция атмосферы по Херману Шмицу (2014), которой мы следуем.

Однако, мы определяем атмосферу также и естественно-научно, а именно: как „эффект множественно, сознательно и сублиминально принятой стимуляции, ее сознательного и бессознательного „мультиместического резонанса“ из карт памяти. Человек как „мульти-сенсорное“, „мультиэкспрессивное“ и „мультиместическое“.... существо (Петцольд 2003а, 549с., 671) имеет возможность принять „наполняющие нас“ благоприятные атмосферы спокойствия и мира. Лес предлагает их во многих областях: у выходов подземных источников, в молодом лесу, в мрачном пихтарнике, в светлых березовых лесах... через „полиэстетическую симфонию“ (Орт, Петцольд 1993с/2015), мультисенсорное половежье ароматов, оптическую игру света и тени, бальзамический ветер, прохлада и свежесть..., и вследствие этого вызванные „внутренние резонансы“, которые в состоянии восприниматься с почтительной дрожью в „собственно-телесном ощущении“, могут оставлять лесному опыту „большое и продолжительное впечатление“ (Кристоф-Лардет 2016). Оно записывается мультиместически в разнообразных ареалах памяти. И может вызываться снова в этом изобилии. Это тренируется, особенно после лесного опыта с помощью «домашних заданий», которыми мы пользуемся в ИТ с самого ее начала (Петцольд, Мосер, Орт 2012). СВТ подтвердила полезность использования „homework“ (Фем, Хельбиг 2008; Хельбиг-Ланкт длиной и др.2012; Век и др 2013). Через регулярные эвокации в повседневной жизни, эффекты лесного опыта могут постоянно использоваться и закрепляться в сознании.

Как правило, фаза гуляния по лесу, после „введения“, начинается минимум с одной четверти часа быстрой ходьбы, приспособленной к уровню способностей группы, чтобы участники схватили „шаг“, вступили в действие, попали в автоматизированное движение вперед, и чтобы группа в спокойном ритме ходьбы синхронизировалась.

Поддерживаемая зеркальными нейронами синхронизация движения (Рицоллатти 2008; Стаменов, Галес 2002) содействует также социальной синхронизации и сплоченности, важной для восприятия леса в группах. Это сокращает социальный стресс альтернативным взаимодействием.

Сначала Sensory Awareness-интервенции (Брукс, Сельвер 1979) ориентированы экстероцептивно, так как лесное спокойствие автоматически перенастраивает все еще актуальное беспокойство. Люди проникаются этой спокойной атмосферой (Шмиц 2014). Только после перенастройки они ориентируются Sensory Awareness проприоцептивно (это значит в другой очередности, на что часто указывается).

Поляна:

ХП: „Мы теперь прибыли к этой поляне. На эти бревна можно здесь опуститься. На лесной поляне мрак надо оставить на заднем плане, все светлое находится здесь, светлое пространство открывается и хорошо, если можно становиться его частью, как бы мы опускались внутрь „поляны“, раскрывались ей медиативно... Мы остаемся здесь одну четверть часа в медиативном спокойствии, открыты для света, открыты для зелени ... Я наблюдаю за временем. ... [15 минут] ...

Если мы теперь выйдем на поляну, попытайтесь это сделать новым образом: „Я хочу здесь по-новому войти в свет ... Мы идем дальше через поляну и Вы можете обменяться мнениями в разговоре.“

Примечание: Выход на „поляну“ – так Хайдеггер, любитель леса, подхватывает эту метафору из лесного языка в своей поздней философии (Томе 2003), такой «выход» часто связан с особенно интенсивным „самопереживанием“. Из погруженности в Green Meditation мы возрождаемся с новой ясностью как „существующие среди существующего“ (Seiender unter Seiendem), „at home among things“, как Надер эль-Бизри (2011) философ и ученый-архитект, объединяет понятие Хайдеггера с экологическими отношениями. Я хочу здесь еще добавить продуктивный концепт Аарона Гурвичса (1957) о „поле сознания“. Я снова и снова объясняю эту программу нашим участникам посредством лесной поляны, находясь на которой сознание человека может расширяться во все стороны и на все качества. Поляны создают „задумчивые острова переживания“ и опыт поляны дальше обсуждается в групповом разговоре. Если эти переживания были особенно впечатляющие, тогда они рекомендуются для „жизненной актуализации“, т.е. предлагаются к упражнению как „домашнее задание“.

Заключение

Поляны предлагают особенные возможности опыта, они открывают новый вид, предлагают «расширение пространства» именно в контрасте с «лесной дорогой». На поляне посредством света „зелень более зеленая“. На полянах эффекты глубокой релаксации „Green Meditation“ (Петцольд 2015б) появляются спонтанно особенно часто, как будто „nature trance“. Если продлить время медитации, то после многих усилий можно пройти через медитационные ступени сознания и созерцания до погруженности (там же., то же 1983е), в которой „онтологический опыт“ становятся возможным, (Альбер 1972; Орт, Петцольд 2015/1993) открыть себя опыту тесной связи с существенным, исконным „être brut et sauvage“ (Мерло-Понти 1964). Люди говорят тогда: „Я чувствовал глубокую связь с миром.“ – „Я испытал мир как мою самую настоящую родину!“ – „Я почувствовал большую нежность к природе, которая вызвала во мне радость“.

Такой опыт, вероятно, вдохновил также и Хайдеггера (1949/2006) к его краткому созерцанию «полевой дороги», которое приносит человеку на фоне широкого природного пространства разнообразные переживания (мы говорим тогда о „рецептивном способе восприятия“), пережитое осмысливается так, что в нем может появляться СМЫСЛ: „Позитивное настроение полевой дороги будит смысл, который любит свободное пространство, где печаль еще на благоприятном месте перескакивает в крайнее веселье“ (там же). Этот же ландшафтно-феноменологический опыт вызывает „переживание смысла“, которое конкретно ощутимо.

Это смысловое измерение имеет терапевтически большое значение (Петцольд 2001к; Петцольд, Орт 2005а). Оно раскрывается в „ДОРОЖНОМ-опыте“ – лесная дорога, полевая дорога ...и связано через метафору ДОРОГИ с жизненным путем, с дорогой сквозь историю, со взглядом в прошлое и направленным на горизонт взглядом в даль. ДОРОГА не раскрывается абстрактно, но конкретно переживается, как мы представляем это в „философии ДОРОГИ“ в интегративной терапии (Петцольд 2006и; Петцольд, Орт 2004б).

Вызванное опытом ландшафта „веселье“, спокойствие, принадлежат к важным, содействующим здоровью, „мягким эмоциям и сердечным движениям“ (Петцольд 2005г; Петцольд, Зипер 2012э), которые умиротворяют, удаляют стресс, успокаивают андренергическую систему и восстанавливают оптимальный баланс кортизола в организме.

Опыт ландшафта вызывает, как сказала одна из наших участниц, «нежность» к природе, он настраивает на радость. Если переживание природы „подогревает сердце и освобождает его“, это не только метафора, а чистый опыт собственного телесного (eigenleiblich) ощущения. Капиллярная система расширена, испытывается струящееся тепло. В сердечном контакте с животными, а также в контакте с прекрасным цветком или с ландшафтами активируются кроме того, приливы окситоцинер-

гии (oxitocinerge Anflutungen), которые консолидируют ощущение принадлежности (Увнес-Мольберг (Uvnäs-Molberg) 1998), что снижает кровяное давление, действует успокоительным и полезным образом. Этот нейро-гормон содействует даже заживанию ран (Детийон и др 2004). Физиологические действия поддерживают полезную силу „эстетического опыта“ (Петцольд 1992 м, 1999q). Так Хайдеггер, как и Марк Аврелий, хотели привести к состоянию „радостного сердца“ (М. Аврелий XII, 36; Адо 1992).

Мы также пытаемся этому содействовать, ссылаясь на работы Пьера Адо (1991, 2000). Но жизнь имеет и свою мрачную сторону: природа, живущее несет также смерть с собой. В тишине полевой дороги звучит удар колокола, „С последним его ударом тишина становится еще тише. Она достигает тех, кто преждевременно пал жертвой в двух мировых войнах“... и, тем не менее, совет дороги остается: „совет становится отеческим в своих глубоких корнях“ (Хайдеггер 1949).

Природный опыт снова и снова удовлетворяет нас в высшей степени. И все же в нем имеют место грозы, ураганы, непогода, извержения вулкана, лесные пожары, цунами. Природа снова и снова показывает, что она в конечном счете не поддается управлению. Это должно напоминать нам также о наших границах.

Лес великолепен, но он скрывает также в себе риски. Мрачные руины, бункеры, стрелковые окопы говорят о том, что лес был также снова и снова местом преступления. Лес может скрыть следы преступлений, как правило, это действия людей. Хатынь будит здесь жестокие воспоминания.

Но так как лес имеет способность СКРЫВАТЬ, он был и всегда будет местом убежища, был и будет источником питания.

Сегодня лес стал одним из самых важных ресурсов для нашего физического, психического и умственного здоровья. Поэтому мы должны быть ему благодарны и обязаны заботиться о нем – это caring for nature.

Интегрированная практика GREEN CARE и „новых природных терапий“ основывается на связи с природой, которая не поддается ни гармоничной идеализации, ни окружению романтическим ореолом природного озарения. Она ориентирует скорее на конкретные возможности опыта, у которых есть „витальное доказательство“ и которые разъясняют: Как только мы осознаем наш экологический статус, наше укоренение в природе и вступаем с открытыми смыслами и с „комплексным вниманием“ в ее империю, наша незаменимая принадлежность (convivialité, connectedness) к ней станет для нас ясной. Природа направляет нас в каждом месте, где мы ее исконно, всестороннее и широким образом понимаем, на нашу от-

ветственность за нее и за нас, так как мы переживаем ее и нас самих в качестве существенного, конвивиального участия всего живого.

Мы охватываем наше со-бытие (Mit-Sein): Да, мы – это часть земной жизни! Это дает нам шанс на экософию, на мудрые действия в природе и на экофилию, на любовь к миру. Сражаясь за природу, мы развиваем в себе качества политических борцов. Если мы воспринимаем природу таким образом и действуем коллективно-человечески, исходя из этого переживания принадлежности, а именно: естественно и любящим природу образом, — тогда она дает нам, тогда дают нам леса и луга обещание: „... **цветение остается.**“

Литература:

Обширная библиография см. Петцольд Х. Г. 2016б Зеленые тексты и Полилоги гв. 2016.: <http://www.fpi-publikation.de/polyloge/alle-ausgaben/index.php>

Профессор университета, доктор наук (мульти.) Х. Г. Петцольд

«Европейская академия био-психо-социального здоровья» (ЕАГ), государственно признанное в Германии учреждение для повышения квалификации, Хюкесваген.

<http://www.eag-fpi.com>, forschung@integrativ.eag-fpi.de, degothp@aol.com.

The „New Nature Therapies“, committed „Green Care“, practice of forest therapy

This chapter is offering a concise Introduction to the theoretical and metatheoretical basics of the “New Nature Therapies” and their core concepts: “Ecologization, Ecosophia, Ecophilia, Ecopsychosomatics etc. With an “anthropological turn” (Welsch) it shown, how important it is today to think the world from a viewpoint of the world and not only from the perspective of the human being. The concept of biophilia is critically and amplifying discussed. Dimensions of practice are shown and exemplified by a project of of forest therapy. The “Green Care Manifesto” (Petzold) is theoretically underpinned.

Keywords: New Nature Therapies, Green Care Manifesto, Ecologization, Ecophilia/Biophilia, Integrative Therapy.

